

Гай Юлий Орловский

РШУ@РШ

Длинные Руки —
маркиграф

Рожденный
героем
должен
летать!

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – маркграф

«ЭКСМО»

2009

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – маркграф / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2009 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-33574-9

Непросто нанести поражение сильному противнику. Еще труднее остаться в захваченном королевстве и удержаться, когда в противниках не только блистательные и гордые рыцари, но маги, тролли, оборотни, колдуны и волшебники.....но опаснее всех могущественные лорды, владеющие летательными аппаратами!

ISBN 978-5-699-33574-9

© Орловский Г. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	52
Глава 13	58
Глава 14	63
Глава 15	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – маркграф

Часть 1

Глава 1

Меня несет на черных крыльях ночи, внизу горит земля, трещат крыши падающих домов, жалкие людишки орут и мечутся, как муравьи по вершине своего холмика, а под моими жестокими ударами рушатся башни и крепости...

Я вынырнул из жуткого сна с таким воплем, что распахнулась дверь. Заметались дымные факелы, воины с мечами наголо ворвались быстрые и готовые к бою.

– Ваша светлость?

Я прошептал:

– Все-все, идите... Недобрый сон.

Все послушно удалились, я с сильно колотящимся сердцем смотрел в закрывшуюся дверь, огромную, украшенную золотыми накладками, с массивной дверной ручкой в виде головы неведомого зверя. Надо мной красный матерчатый полог, натянут над столбиками из резной слоновой кости, что значит, я на королевском ложе и в королевской спальне.

С правой стороны появилась гигантская черная морда с распахнутой жуткой пастью, красной и жаркой, длинные зубы блестят как алмазы. Бобик уперся передними лапами в постель и всем видом показывал, что готов ко мне в постель, а там будет бдить и защищать.

– Брысь, – сказал я слабым голосом. – Тебя разок пусти, потом вовек не выгонишь.

Бобик вздохнул с укором и снова исчез, растянувшись на полу. Я медленно сел, спина уперлась в гору подушек с нежнейшим лебяжьим пухом. Ей хорошо, а вот в груди странное и очень неприятное ощущение, словно совершил нечто опасное, не помню что, потому не понимаю, как исправить и как избежать еще более неприятного, что злорадно ждет во тьме.

Спальня огромная, как помещение театра, не случайно все кровати в таких местах отгораживаются пологам как сверху, так и со всех сторон. Неуютно спать среди огромного пустого пространства. Человек не с дерева слез, а вылез из норы.

Голые ступни коснулись толстого мягкого ковра. Я подвигал пяткой, вроде бы даже теплый, будто пол с подогревом. Впрочем, кто знает возможности бытовой магии.

Шагах в двадцати роскошный стол персон на двадцать, но стульев два. Именно стульев, а не кресел, хотя из дорогих пород дерева и в золоте. Кресла в ряд выстроились вдоль стены, это для тех, кого допускают к утреннему туалету короля.

Сердце стучит часто и сильно. Спальня Кейдана больше смахивает на внутренности Версаля плюс Эрмитаж, и вот теперь здесь я, вышвырнув прежнего владельца, тот еще экспонат.

Я начал одеваться, пальцы привычно скользнули по спинке стула, куда всегда вешал пояс, сердце болезненно заныло. Пояс сторел дотла, как и мои доспехи Арианта и меч. Рассыпались в черную пыль болтеры, все кольца, волшебные свойства так и не успел узнать, превратился в пепел молот, и даже загадочный красный демон исчез...

Несколько раз щелкнул пальцами, бесполезно, тоска сдавила грудь, без волшебных доспехов страшно и одиноко. Хорошо, лук Арианта уцелел, оставался на седле Зайчика, да всякая ерунда в седельной сумке...

В дверь громко постучали. Я выпрямился и, надев нужное выражение лица, сказал властно:

– Да, можно.

Заглянул стражник, лицо виноватое.

– Ваша светлость, как вы?

– А что, – спросил я настороженно, – не так?

Он пробормотал:

– Ну, все-таки трое суток даже не копыхнулись.

– Сколько? – вскрикнул я.

– Трое суток, – повторил он испуганно. – Ваша светлость, к вам священник.

– Что, – спросил я, – причащать?

– Ваша светлость, – вскрикнул страж в страхе, – и слова такие забудьте! Это от великого инквизитора.

– Пусть войдет, – разрешил я настороженно.

Стражник отодвинулся, в щель проскользнул в рясе до пола и подпоясанный простой веревкой молодой священник. С порога он перекрестил Адского пса, но тот лишь следил за ним с ленивым любопытством. Я сделал знак приблизиться, но священник в своей длинной рясе и сам уже шел ко мне, словно плыл над полом.

В глаза остро блеснуло. Я подавил желание закрыться ладонью, не так поймут, встретил посланника как можно более прямым и честным взглядом.

– Что-то случилось?

– Сэр Ричард, – сказал священник, избегая обращения «сын мой», это я терплю только от одного человека, – отец Дитрих велел срочно передать вам вот это... взамен потерянного. Очень срочно.

Он склонился в легком поклоне, снова блеснуло, но уже не так болезненно. На протянутых ладонях простой полотняный платок, в середине играет искорками такой же незамысловатый крестик. Глаза священника следили за каждым моим движением. Я заподозрил, что явился не один из рядовых служителей церкви, у отца Дитриха не бывает простых. Мои пальцы чуть дрогнули, я медленно протянул руку, готовый в любой миг выронить опасную вещь из рук, как только вспыхнет, ужалит или как-то еще начнет войну с... недостаточно чистым.

Священник явно наблюдал за моей реакцией. Руки дрожали, но крестик приятно холодит кончики пальцев. Я перестал задерживать дыхание, бережно повесил на грудь и прикрыл рубашкой.

– Спасибо, святой отец, – сказал я. – Да, вы правы, мой расплавился в схватке, и теперь очень недостает... Можно сказать, сторел на работе. Как отец Дитрих?

– Еще плох, – ответил он скорбно. – Этот крест спас ему жизнь. Но отец Дитрих велел немедленно отнести его вам, сэр майордом.

– Польщен, – пробормотал я.

– Он говорит, – продолжил священник тем же ровным голосом, – вам он сейчас нужнее. Намного.

– Спасибо, – ответил я настороженно. – Я чем-то могу помочь отцу Дитриху?

Он продолжал так пристально всматриваться в мое лицо, что не сразу понял вопрос, вздрогнул, виновато покачал головой.

– Нет, сэр майордом, – ответил он ровным голосом, – вы всего лишь паладин. Отец Дитрих на таких уровнях святости, что ваша сила рядом... мала. Очень мала. Сейчас к нему прибыли братья из монастыря Сен-Крус. Они лучшие лекари из возможных.

– Понимаю, – пробормотал я. – Просто хотел бы что-то сделать.

– Отдыхайте, сэр майордом, – сказал он все так же бесстрастно. – Удивительно, вы восстановили силы так быстро. Удивительно!

Я промолчал, а он, выждав чуть и не дождавшись ответной реплики, поклонился и пошел к двери. Я провожал его тяжелым взглядом. Заметил, гад, что отец Дитрих все еще не пришел

в себя, а мне как с гуся вода. Да я и сам не очень-то понимаю. С одной стороны, чувствую эту недобрую мощь, сила Терроса ворочается, огромная, как галактика, требует выплеска темной энергии, но в то же время все еще паладин... Вроде бы.

Да и крестик лишь пару раз дрогнул в пальцах, а так висит спокойно. Возможно, потому, что темный бог из давних времен. Его свергли и заточили в камень задолго до рождения Христа. Про Христа даже не знает. Другое дело, если бы кто-то из ангелов, боровшихся против Творца.

Шаги священника стихли за дверью, как только та захлопнулась. Я прислушался еще, в памяти выплыло то странное, когда терял сознание, а кожа превращалась в нечто более плотное, чем просто кожа. Даже с чешуйками, если не совсем рехнулся. Не то рыбьими, не то еще какими...

Плечи передернулись от пережитого ужаса. Держа руку перед глазами, я шевелил ее так и эдак, кисть нормальная, пальцы тоже. Хотя в самом деле кожа на ладони слегка потолстела, однако это от ребристой рукояти меча. Не так уж и часто за него хватаюсь, но все-таки твердые мозоли. Не такие, как у сэра Растера, у того вообще копыта, однако кожа затвердела...

Вдруг мизинец защипало, словно нечаянно сунул его в горячую воду. Кожа утолщилась на глазах, блеснули искорки... и тут же пальцы снова стали чистыми, с розовой кожей. Сердце пошло барабанить по ребрам так, что могли услышать за дверью.

Пес зарычал во сне, вскочил и, подбежав быстро, обнюхал мне руку. Шерсть на его спине медленно улеглась, хотя глаза еще оставались багровыми. Он посмотрел с недоверием, я погладил по башке и почесал за ушами. Яростное пламя погасло, глаза стали масляными, он чуть ли не замурлыкал.

В дверь снова постучали, громко и требовательно. Ясно, не слуги.

– Войдите, – сказал я.

Чеканными шагами вошел барон Альбрехт. Поверх блестящих, тщательно сделанных доспехов небрежно наброшен голубой кафтан с золотым шитьем, дорогой пояс поддерживает брюки из тонкой кожи, от красных сапог с золотыми шпорами не оторвать взгляда, сам барон при своем негигантском росте выглядит просто величественно и вообще блестяще.

На груди тускло поблескивает золотая цепь с медальоном, где, как говорят, хранится прядь золотых волос. По его словам, жены, хотя Митчелл, его сосед, всякий раз загадочно улыбается при таком сообщении.

Еще от двери он держал меня на перекрестье прицела серых внимательных глаз, за которыми я всегда видел недюжинный ум и цепкую хватку очень расчетливого человека.

– Рад вас видеть, барон, – сказал я первым. – Когда же дворец заработает как следует?.. Ору, будто в запертом туалете. Что у вас новенького?

Он ответил с легким поклоном знатного человека чуть более знатному, но из одного круга:

– Прежде всего ваше здоровье...

Я огляделся.

– А где вино?

Он уточнил:

– Я интересуюсь вашим здоровьем, а не предлагаю за него тост.

– Да, – ответил я с напускным разочарованием, – вы не сэр Растер. По-моему, вы вообще не пьете. Садитесь, барон, рассказывайте.

Он сел, придвинув стул поудобнее, глаза его смотрели испытующе.

– Вы не ответили, – проговорил он, – значит, со здоровьем пока неважно... Новостей немного, все по мелочи. Пользуясь случаем, провели дополнительную чистку по всей столице. Появление Терроса видели в городе и окрестностях, все напуганы, так что знают, что и зачем, сильно не противились, черномесенцев не защищали. Наоборот, нам даже помогали. К тому

же мы доказали, что способны справиться даже с проснувшимся темным богом, а это заткнуло пасти и самым крикливым. Заодно устало отважных, готовых бросить нам вызов.

– Такие были?

– Немного, – ответил он сдержанно.

Я криво усмехнулся.

– Хвастаетесь такой победой? Нескромно.

– Скромных людей не бывает, – ответил барон серьезно. – Просто некоторым нечем хвастаться. И вообще даже самый скромный человек думает о себе лучше, чем думает о нем его лучший друг. Отец Дитрих еще не встает, но послал священников закрепить победу и выжечь остатки... гм... искушения, что ли. Он говорит, что соблазн – это духи, их вдыхаешь до тех пор, пока не захочешь иметь весь флакон. Потому нужно разбить все флаконы, а духи вылить в сточную канаву.

Я сказал вяло:

– Искушение – самый строгий экзаменатор нравственности. Увы, я слаб, потому отец Дитрих прав: крепкое вино надо в унитаз... в смысле, в выгребную яму. Словом, лучше избавиться от искушения, чем с ним бороться.

Он пожал плечами.

– Есть несколько способов, – ответил он холодно, – с ним справиться. Самый верный – трусость. Так спасается большинство. Но мы не они?

– Мы они, – возразил я. – Я тоже трушу и стараюсь избегать... насколько удастся. Как в столице?

– Начинает приходить в себя, – сообщил он. – Народ пока что отсиживается по домам, но лавки по приказу графа Ришара открыты. Работают пекарни и булочные. Воды в цистернах хватит на несколько недель. Лорды Бранта и Армландии празднуют победу и, похоже, будут праздновать долго. Что и понятно.

– Почему понятно?

Он поморщился.

– Стрелок натягивает лук, – объяснил несколько вяло, – когда он нужен, и спускает тетиву, когда опасность прошла. Если лук держать натянутым всегда, он лопнет. Так и мы... Всегда быть серьезным и не позволять себе забав... гм... либо сойдем с ума, либо наши тетивы лопнут.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Я поинтересовался:

– А как вы, дорогой барон, спускаете тетиву?

Он ответил мне тем же прямым взглядом.

– Как и вы, сэр Ричард. Откладываю на потом.

– Вот уже много лет, – сказал я полувопросительно.

– Вот уже много лет, – повторил он. – Ничего, пока не рвусь. Хотя с ума сойти с вами легко! Еще вам будет интересно, по некроманту отслужили панихиду.

– Что? – ахнул я.

– Что слышите, – заверил он. – Самую настоящую. В церкви. Посовещались сперва и пришли к выводу, что если так поступил, то часть души у него была христианская. В момент истина взяла верх, потому некромант уже не некромант, а благочестивый христианин в первую очередь, а некромант где-то там, позади. Потому достоин похорон как истинный христианин, положивший жизнь на спасение высокого иерарха церкви.

– С ума сойти, – пробормотал я, – церковь отвечает благородством на благородство... Или что-то иное?

Глава 2

Все проблемы, как гласит закон, делятся на две категории: одни разрешаются сами по себе, другие вообще неразрешимы. После ухода барона я перебирал новости, особенно врезалось в память то, что священники искренне жалеют о гибели презируемого ими некроманта. Ишь, самоотверженно спас жизнь великого инквизитора, отдав взамен свою и приняв мученическую смерть в пламени!

В дверь деликатно постучали, что значит кулаком, а не рукоятью меча или ногой. Я положил обе руки на стол и сказал державно:

– Да, что там?

В дверь заглянул дворецкий. Бобик рыкнул, раздраженный, что кто-то мешает самому лучшему на свете занятию. Дворецкий старался держаться, как и положено, бесстрастно и невозмутимо, но чувствую, трясется, как осинка на ветру. И Пса боится, и не знает, как общаться со всесильным завоевателем.

– Ваша... светлость, – проговорил он таким привычно громким голосом, что сам испугался и пустил петуха, – ваша светлость! К вам на прием Великий Инквизитор.

– Приси, – велел я.

Дворецкий суетливо исчез, наверное, непривычно исполнять роль одновременно и лакея, но что делать, многие разбежались, в распахнутую дверь мелкими шажками вошел отец Дитрих. Двое священников вдвинулись следом и остановились у двери, опустив головы и сложив руки.

Отец Дитрих пошел через зал, но я выскочил из-за стола, встретил на полдороге и почтительнейше провел к креслу.

Пес встретил великого инквизитора уже там, зато приветливо помахал хвостом. Отец Дитрих привычно осенил странную тварь крестным знаменем, но Бобик не закричал страшным голосом, не превратился в дым и не вылетел в окно. Отец Дитрих легонько провел пальцами по умело подставленной для чесания голове и опустился в кресло так тяжело, словно не потерял после схватки с темным богом килограммы, а набрал центнеры. Его сухое, как у кузнечика, тело стало еще тоньше, черты лица заострились, а дышит, как я обратил внимание, все еще учащенно.

Я сел рядом и терпеливо прислушивался к его надсадному дыханию.

– Сын мой, – сказал он тихим, но твердым голосом, – огонь и воду ты уже прошел. Теперь – медные трубы... А это самое трудное. Куда бы ни направил стопы, везде трубят и возглашают: вон он, тот самый великий сокрушитель королевства!.. Несравненный и непобедимый!.. А еще и темного бога сокрушил!

Я вяло отмахнулся.

– Отец Дитрих, я на такие простые крючки не ловлюсь. Чтобы меня подцепить, нужна приманка похитрее. Я еще та рыба! Хи-и-итрая.

– Какая?

– Не знаю, – признался я. – Но знал бы, не сказал бы даже вам.

Он скупно улыбнулся.

– Это правильно.

– Я рад, – сказал я, – что вы приходите в себя так быстро. И уже обличаете.

Он позволил губам чуть-чуть раздвинуться в слабой улыбке.

– Плоть излечить легко. Братья из монастыря Сен-Крус в этом сильны, как никто. А вот крепость духа зависит от нас самих. Я, собственно, зашел к тебе, сын мой, чтобы выразить соболезнование...

Я спросил настороженно:

– С чем?

Он взглянул с укором.

– С гибелью некроманта. Да-да, знаю, ты им тоже пренебрегал, а я вообще собирался предать церковному суду... Говорят, смерть равняет всех, но это отговорка простолюдинов. Смерть как раз показывает, кто чего стоил. Только после нее видим подлинную цену человека.

Я вздохнул, развел руками.

– Гм, да...

Он осенил себя крестным знаменем. Лицо стало серьезным, он выпрямился, из груди вырвался тяжелый вздох.

– Тот некромант, – произнес он тихо, – пожертвовал собой, чтобы спасти меня, человека церкви.

– Он старался остановить темного бога, – пробормотал я.

Отец Дитрих покачал головой.

– Нет, сын мой. Он говорил, что темный бог непобедим. И понимал, что погибнет, если вступит в борьбу. Но видел, как я упал, как меня крушит мощь нечестивого противника, и... бросился на помощь.

Я вздохнул и снова развел руками.

– Да, гм... печально. Мог бы еще жить.

Он продолжил, словно и не слышал меня:

– Я бы погиб, если бы он не принял бой и не отвлек внимание темного бога. Я не мог двигаться, я смотрел с ужасом, а потом отец Варламий сумел подбежать и оттащить в безопасное место. Некромант погиб, а я даже сейчас стараюсь не называть его по имени, отказывая ему в этом праве...

– Его звали Логирд.

– Логирд, – повторил он. – Человек, по имени Логирд. Неважно, чем занимался всю жизнь, но этот миг, когда отдал свою еще молодую жизнь, чтобы спасти меня, старика, самый весомый на чаше весов!

– Да, – пробормотал я. – Господь именно об этом и говорил.

– Раскаяние, – продолжил отец Дитрих наставительно. – Человек одним мгновением, одним поступком может все изменить... И одна минута может перевесить всю прежнюю жизнь! Уверен, Логирду уготовано царство небесное, а не адские муки.

Я кивнул.

– Да... гм... неплохо бы.

Он взглянул на меня остро, недовольство проступило в глазах.

– Сын мой, я понимаю, что ты хочешь сказать. Вернее, в чем меня укорить.

Я выставил, защищаясь, ладони.

– Отец Дитрих! Мы через такое прошли! Нам ли друг друга укорять?

Он покачал головой.

– Когда все гладко, тоже нехорошо. Ладно, я не о том... Отныне маги и некроманты нашего войска под моей защитой! И под защитой церкви в моем лице. Под защитой инквизиции. Никто не смеет обидеть даже самого малого из них. Это я сказал священникам, а они сейчас объясняют всему войску. Dixi!

Он с трудом поднялся, я поспешно вскочил и почтительно приложился к его руке. Он кивнул и пошел к двери, исхудавший и все еще сгорбленный, но чувствуется в каждом движении, что дух его прям и нестигаем. Даже в том, как оглянулся в дверях и ожег меня требовательным взором.

Священники вышли вслед за ним, дверь закрылась, я сидел с бьющимся сердцем. Нет, не ради благодарности за спасение жизни он объявил амнистию всем чернокнижникам моего войска. Великому инквизитору чуждо личное, однако некромант, спасая высокого иерарха церкви,

показал свое благородство и преданность крестоносному войску. А это значит, что и другие колдуны и маги могут прийти к Господу иными путями, чем только через костер.

– Спасибо, Логирд, – сказал я. – Ты такую тяжелую ношу с меня снял!.. И такой гордиев узел разрубил...

Небо мутное, затянуто серой кисеей, солнце по ту сторону, и потому кажется, что раскалено все небо. Плечи и спины землекопов черны, все раздеты до пояса, а головы уже завязаны белыми тряпками. Вдали белеют похожие на высохшие скелеты руины крепости Песчаных Королей, их постепенно заносит песком, но дальше оптимистично зеленеет полоса могучих деревьев.

Здесь, за чертой города, где отбушевала страшная битва с Темным Богом, закончили рыть большую могилу. Когда я слез с коня и поручил его Бобику, убитых уже укладывали ровными рядами. Плащи и маски сгорели, теперь отчетливо видно, что все, в основном аристократы, погибли дважды: сперва от наших мечей, затем во время схватки с их хозяином.

Один обугленный труп пострадал особенно страшно: нижняя часть превратилась в пепел, от грудной клетки лишь обгорелые кости, но череп уцелел – массивный, с высоким лбом мыслителя и тяжелой нижней частью воина.

Землекопы уже перестали кланяться, но, когда я медленно поднял череп, один сказал почтительно:

– Это тот некромант, что дрался так храбро?

– Да, – ответил я невесело, – а теперь хороним вместе с той дрянью, что освободила его убийцу и дала силу.

Землекоп подумал, почесал в затылке.

– Вообще-то нехорошо... Ваша милость, а давайте похороним отдельно? Только и делов, что еще одну ямку вырыть! Нам для хорошего человека нетрудно. Зато крест можно поставить!

Я покачал головой.

– Крест... это слишком.

Он выглядел озадаченным.

– Как же... если человек хороший, то надо крест...

– Человек хороший, – пробормотал я, – Ладно, пока с могилкой погодим. Лучше я отнесу это вот в его лабораторию. Она и станет его склепом. И памятником заодно.

Он поклонился, так и не поняв, но лорды иногда говорят непонятно, я поднялся в седло, разобрал поводья. Арка ворот понеслась навстречу, народ шарахается в стороны, кого-то даже сбили с ног, но сейчас ни малейшего угрызения совести не шевельнулось в моей мохнатой душе.

Глава 3

Несмотря на то что некромант прожил здесь всего несколько дней, едкий запах химикалий я ощутил еще перед закрытой дверью. Когда был Логирд, я не обращал внимания на ароматы, уродливые черепа, высушенные лапы, пучки трав, а сейчас перешагнув порог и сразу ощутил нечто древнее и враждебное человеку.

В комнате тихо, камин черен и почему-то упорно напоминает бездонный космос, но там тишина, никаких молний, никаких звездных катаклизмов, только застарелый запах дыма, давно не убираемого пепла, а также легкий запахок неизвестных трав.

Пес быстро пробежался везде, иногда носом терся по полу, я даже слышал скрип, кое-где шел почти на задних лапах, а то и подпрыгивал, стараясь поймать запахи вверху, а я, не обращая внимания на его изыскания, деревянными шагами прошел к столу, там все те же три пузырька и череп.

Бобик посмотрел в ожидании: вдруг да буду бросать ему череп, а он станет приносить, классная игра, но я переставил все на полку, освободив стол, вытащил обгорелый череп некроманта и водрузил на середину стола.

– Прощай, – сказал я невесело. – Не скажу, что чувствовал к тебе хоть какую-то симпатию... Да и сейчас нет во мне горя, люди гибнут всюду, однако ты показал себя достойно... а самое главное, спас отца Дитриха... Нет, даже не это главное. Ты изменил его отношение к магам! Ты, можно сказать, спас их от костров. Спасибо.

Я отступил, отдал честь и уже хотел повернуться и уйти, когда взгляд упал на пузырьки. Как сказал тогда Логирд, его предшественник отыскал способ, как упростить вызывание тени мертвых, как обойтись без жертвоприношения черного петуха в новолуние, длинных и запутанных заклинаний. Всего то и нужно, что...

Мои пальцы коснулись пузырьков. Я смотрел на обгоревший череп, нижняя челюсть наполовину обуглена, половины зубов уже нет... а тем временем тугая пробка нехотя вылезла из горлышка.

Я капнул на череп сперва зеленым, потом синим, запоздало подумал, что не знаю, в каком порядке, но раз уж запел – пой до конца, вылил половину из красного.

На макушке черепа капли зло шипели, растворяя кость, взвился легкий дымок. Я постоял немного, однако дымок рассеялся.

– Прощай, Логирд, – сказал я и пошел к двери.

Бобик требовательно гавкнул. За спиной легонько трещало, словно рвались нити тонкой паутины. Я обернулся, в темной дыре камина едва заметно поблескивает, но не молнии, как в прошлый раз, а будто далекие зарницы, только их так далеко видно ночью.

Я постоял у двери, зарницы медленно утихли. Бобик застыл со взъерошенной шерстью, неотрывно смотрел на стол. Я потрепал его по башке.

– Ну что там? Пойдем. Ты его совсем не знал.

Пес уперся, я слышал, как в горле зарождается глухое рычание. Я вздохнул, обошел его и толкнул дверь. Она скрипнула и отворилась. Я переступил порог, и тут краем глаза поймал какое-то движение в комнате. Над столом, где я оставил череп, колыхается легкий туман, бесформенный, но компактный.

Бобик опередил меня, уже стоит там и принюхивается. Я вернулся к столу с внезапно застучавшим сердцем и дрожью в руках. Туман медленно принял очертания человеческой головы, а шея и грудь едва заметны, истончаются, там колыхаются щупальца тумана, как отростки медузы.

– Логирд, – прошептал я.

Черты лица сдвигались, смазывались, исчезали, и с каждой переменной я видел яснее массивную голову, тяжелую нижнюю челюсть с раздвоенным подбородком, крупные глаза под нависшими дугами бровей, проступили и перестали размываться мясистые губы широкого жабьего рта.

Бобик перестал рычать, сел на толстую задницу и просто смотрел. Я в потрясении наблюдал, как оформились из тумана роскошные волосы, они и раньше были такого же цвета, как сейчас, а мертвенно бледное лицо Логирда как будто стало даже больше похожим на живое.

Толстые губы разомкнулись.

– Сэр Ричард... – услышало я свистящий шепот, – это необыкновенно...

Я с трудом прочистил горло, прохрипел:

– Ну да... Хорошо выглядишь!.. Сейчас ты даже не такой бледный...

Лицо колыхнулось, теряя пропорции, но тут же застыло на пару мгновений, пока Логирд брал свою новую форму под контроль.

– Необыкновенно, – повторил он так же тихо, – вы сумели... решились... Честно говоря, о такой удаче даже мечтать не смел...

Я сказал с беспокойством:

– А удача ли?

– Разве не видно?

– Отец Дитрих сказал, – сообщил я, – тебе уготован рай. И царство небесное!

Он поморщился, это было устрашающе, гримаса почти превратила лицо в нечто ужасающе звериное. Логирд это ощутил и снова некоторое время восстанавливал, закреплял, сдерживал, а ответил, едва шевеля губами:

– Сэр Ричард, я, конечно, благодарю... Теперь понимаю, почему мне удалось задержаться. В ад уволакивают сразу... И я, конечно, отправлюсь в это уготованное мне, однако... здесь слишком много интересного! Я отправлюсь в рай не раньше, чем... словом, либо все исследую, либо здесь надоест раньше...

Я удивился:

– А как будешь исследовать?.. Ты песчинки не сдвинешь!

– Неважно, – прошептал он счастливо. – Еще не знаю, что могу, но бывать в разных местах, слушать разговоры... даже великих некромантов... смотреть на их работу...

– А толку? – спросил я трезво. – Уже не применишь.

Он умолк, некоторое время колыхался над краем стола, переместившись от черепа, медленно поплыл по комнате, плавно поднимаясь до потолка, опускаясь до пола. Бобик следил за ним заинтересованно, даже поднялся на все четыре, но с места не сошел. Логирд не рассчитал и погрузился до половины, а когда поднимался, по инерции вошел в стену. Вынырнул через пару секунд уже выше, на лице обрадованно-сconfуженное выражение.

– Да, – признал он, – к новому состоянию надо привыкнуть. В стене даже мне жутковато.

– Придется привыкать, – сказал я.

– Да, – согласился он, – иначе не смогу подсматривать, как работают маги... Сэр Ричард, как вы решились на такое?

Я сдвинул плечами.

– Не знаю. Дурак просто. Ты не один, во мне тоже хватает дурости и здоровой помешанности. Хотя в целом я такая же тупая здоровая норма, как и все прочие, на ком держится мир.

– Замечательно, – сказал он. – Но я жив благодаря вашей помешанности, как вы сказали, а не унылой норме!

Я сказал нерешительно:

– Ну, не все это называли бы жизнью.

Он сказал уже намного энергичнее:

– Дураки! Или – норма, как вы сказали изящно. Я вполне могу обойтись без пожирания мяса. Или вина. Однако проходить сквозь стены, не страшиться мечей... могу нырнуть в озеро кипящего огня... и никакого жара! Сэр Ричард, я ваш вечный должник.

Я отмахнулся.

– Да ладно тебе. Мне просто повезло, что запомнил твои слова насчет вызывания теней. Только и делов, что вылить эти пузырьки вон на ту черепушку. Ладно, исследуй новые возможности, Логирд!

Я улыбнулся, махнул ему рукой и пошел к двери. Пес посмотрел на Логирда уже без интереса и понесся следом. Зайчик деловито сгрызал железную верхушку ограды, как другой конь жрал бы сочные листочки молодых веточек. Я вставил ногу в стремя, Зайчик повернул голову и с удивлением смотрел за мою спину. Я проследил за его взглядом.

Из стены, как нечто отпочковавшееся, выдвинулся и отлепился Логирд. На этот раз сумел восстановить облик почти до колен, хотя голову и грудь пролепил со всей тщательностью, даже отчетливую цепь на груди с амулетом, но ниже все так же размытые ключья тумана.

– Меня никто не видит, – сказал он успокаивающе еще издали. – И не слышит.

Я указал на Зайчика.

– Даже мой конь слышал. Не говоря о собачке.

Логирд сморщил нос, на этот раз он у него не ушел на середину лба и не опустился ниже подбородка.

– Конь... Он не обижается?

– А чего ему обижаться? – ответил я вопросом на вопрос.

Он загадочно улыбнулся.

– Я как-нибудь соберу все о таких «конях», сэр Ричард. Уверен, ахнете. Я уж молчу о вашей «собачке». Сэр Ричард, можно попросить вас об одной необычной услуге?

– Просить можно, – ответил я с неохотой, – только сделаю ли... Ты же знаешь, как все мы не любим что-то кому-то делать. Другое дело, когда все нам, нам...

Он растянул широкий рот в строго зафиксированных пределах.

– Вы сделали гораздо больше, сэр Ричард, осмелюсь напомнить! Впрочем, это совершеннейший пустячок. Даже, если просто отмахнетесь, я не обижусь.

– Ну, говори, – сказал я, – а то Зайчик уже вон ушами прядает.

– Теперь моя прежняя оболочка не нужна, – сказал Логирд. – Совершенно. Но что-то сентиментальное, что ли...

– Ты сентиментальный? – удивился я.

– Сам не думал, – признался Логирд. – Наверное, плоть дает больше возможностей для притворства. Даже себя ухитряемся обманывать... Нельзя ли мой череп как-то сохранить? Я видел, у всех священников черепа на столах.

Я пробормотал:

– Не только у священников. Была одно время мода на такое... Якобы напоминание о краткости жизни, а на самом деле бравада... Ладно, я заберу череп, чтоб не сперли. У тебя он, кстати, хорош! Массивный такой.

Он сказал польщенно:

– Спасибо, сэр Ричард.

– Будто у мясника, – добавил я, – или у гладиатора. Или такими и были интеллигенты Средневековья? Еще ничего тут тебе не надо? Какие-нибудь склянки, растворы?

Он покачал головой.

– Мне уже ничего не надо. Как и вам, кстати.

Глава 4

Во дворец я возвращался с черепом в мешке, успел призадуматься, где положу в своих покоях, места много, но все слишком роскошно, чтобы где-то присобачить испачканный золой и обгорелый череп.

Возле центрального собора толпы рабочих спешно очищают площадку от строительного мусора. Его использовали в последние годы как склад, но отец Дитрих пришел в ярость, как только увидел кощунственное осквернение священного места, велел из собора все выбросить, а его заново освятить.

Массивные красочные ворота распахнуты, изнутри льется ласковый яркий свет дюжины люстр, доносится негромкая церковная музыка. Бобик подбежал и заглянул вовнутрь, а когда оглянулся, глаза его сверкнули багровым.

Я натянул поводья.

– Зайчик, погоди... Эй, что здесь происходит? Собор открыт? Без освящения?

Один из рабочих отвесил низкий поклон.

– Его святость отец Дитрих, – сообщил он словоохотливо, – вчера велел освятить собор!..

– Без всяких торжеств? – спросил я, внутри тревожно екнуло. – Без крестного хода?

– Его святость сказал, – ответил рабочий очень значительно, – что очень важно открыть собор как можно быстрее. Больше чистых спасется, больше нечистых будут наказаны!

Я соскочил на землю.

– Зайчик, жди здесь. Бобик, сидеть!

Бобик посмотрел с обидой, а Зайчик кивнул и посмотрел по сторонам ищущими глазами. Не увидев подходящего железа, подхватил крепкими зубами мелкий булыжник. Послышался треск, Зайчик мерно двигал нижней челюстью.

Я подошел к дверям, но странное чувство не позволило шагнуть дальше. Собор изнутри выглядит еще огромное и объемнее, чем снаружи. Призрачно-нереальный свет падает под углом через синие окна, та часть кажется в странном волшебном тумане, словно некая неведомая страна просвечивает из дальней дали. Сводчатые арки залов строги и возвышенны, я чувствовал трепет в сердце и нечто особенное в душе, чему не мог подобрать название.

Снова хотел шагнуть, тревога стала острее, затем как щелчок в черепе осветил картинку из церковной книги, где колдун входит в церковь, а его мгновенно испепеляет гнев небесный.

В груди стало холодно, я замер с поднятой ногой, затем осторожно вернул ее на прежнее место. Бобик помахал хвостом, глаза уже не светятся, как раскаленные угли.

Рабочий сказал благожелательно:

– Заходите, ваша милость! Там все убрали, подмели!.. Теперь чисто, благородно!

Я с трудом вытолкнул через перехваченное тугой удавкой горло:

– В другой раз. Сейчас некогда.

Зайчик повернулся ко мне боком, я поднялся в седло и повернул его в сторону королевского дворца. Бобик ринулся вперед широкими прыжками.

Барон Альбрехт буквально выбежал навстречу, теряя достоинство вельможного лорда. Бобик подбежал к нему и требовательно помахал хвостом, однако барон холодно и прямо смотрел, как спешиваюсь и передаю слугам повод. Отвесив церемонный поклон, поинтересовался очень сдержанно:

– Хорошо ли погуляли, ваша светлость?

– Брось, – сказал я, морщась. – Что случилось?

Он сообщил язвительно:

– Возможно, сэр Ричард, для вас это новость, что захвачено огромное королевство, почти захвачено. Сейчас нужно вообще не есть, не спать, а стараться со всем этим... да этим!...

справиться!.. Граф Ришар днюет и ночует в казармах, приводя их в порядок и переподчиняя местные отряды, сэр Растер инспектирует...

– ...винные подвалы? – спросил я.

Он холодно поморщился.

– ...оружейные склады, – ответил ледяным голосом, – сэр Максимилиан комплектует свою пехоту кнехтами из Геннегау... да что там перечислять, все до единого заняты так, что некогда и на небо взглянуть! И только вы...

Я вскинул руку, прерывая его обвинения.

– Барон, барон... С этими «днюет и ночует» вы перегнули. Мы только вчера захватили этот город! Да, признаю, работы там, «мама» сказать будет некогда. Но я тоже не к бабам ездил!

– А куда? – потребовал он. – Вы теперь майордом, сэр Ричард! Ваша голова стоит дорого, а мы, кстати, во враждебном городе!

– Вы мыслите старыми категориями, – ответил я примирительно. – Здесь же новый мир. Обывателям почти все равно, кто ими правит. Нет патриотов, чтобы бросились на меня с ножами в руках!.. Это не Рим времен Цезаря и не наша Армландия. Но я понимаю вашу тревогу и раздражение.

Он сказал сердито:

– Да что вы понимаете!

– Все успели смыться раньше, – посочувствовал я, – а вы остались на хозяйстве. Угадал? Хорошо, барон, можете идти и выбрать себе дело по душе. А я останусь нести монаршую ношу, хотя и не монарх.

Я улыбнулся ему примирительно, взбежал по ступенькам, а когда передо мной распахнули двери, я ощутил по шагам за спиной, что барон Альбрехт идет следом.

– Что, барон, – спросил я дружелюбно, – решили проверить, чтобы я не выскочил через черный ход?

– Точно, – ответил он сварливо.

– Тогда пойдемте, – сказал я, – угощу кофе.

– И сыром, – буркнул он.

– И сыром, – согласился я.

Он злорадно улыбнулся, я не придал значения его ухмылочке, пока не увидел в приемной кучу народа. Все одеты бедно, даже демонстративно бедно, словно боятся грабежей прямо во дворце, но почти у всех в руках бумаги, и многие, завидев нас, с робостью, но решительно попытались сунуть нам в руки петиции, прошения или проекты, уж не знаю. Барон строго прикрикнул и сказал, что его светлость майордом Ричард сейчас немного отдохнет и начнет разбирать их просьбы.

Когда за нами закрылась дверь и мы оказались в королевском кабинете, я спросил рассерженно:

– Зачем такие обещания?

– А как иначе? – ответил он вопросом на вопрос.

– Что-нибудь не такое конкретное!

– Вам в самом деле надо принять ряд прошений, сэр Ричард.

– Зачем?

– Или начнете рулить королевством, даже не поинтересовавшись, чего люди хотят?

Я вздохнул, сел за стол, роскошнейший и инкрустированный невиданными породами дерева. Впрочем, я и в виданных не разбираюсь, но что красиво, это чем-то соображаю. Весь кабинет блещет золотом, однако оно за заднем плане, на переднем – изысканная красота помещения, сплав архитектуры, дизайнера и таланта художников.

Барон быстро пил кофе, обжигался, а когда отставил пустую, я тут же взял ее с вопросом:

– Еще?

– Если это вас не истощит, – ответил он.

– Тогда я в эту же, – сообщил я и пояснил, – чтоб поменьше истощаться.

Он принял вторую чашку, с этой уже смаковал и сыр, укладывая ломтики на язык и наслаждаясь, как растворяются, оставляя пикантный аромат и дивный вкус. Я отхлебывал мелкими глотками и думал, что человек начал жить обществом еще будучи дочеловеком: обезьяной, а то и лемуром. И с той поры его общество только усложнялось, росло вширь и ввысь, а то и в глубину. И все опаснее было что-то нарушить, чтобы не обрушился весь карточный домик отношений, связей и подчинений.

Сперва за поддержанием порядка следил шаман, обеспечивая идеологическую составляющую, затем появились еще люди и еще, их называли по-разному, но все удерживали общество в том виде, в каком должно быть, потому что способность к саморегенерации хоть и есть, но наличие иммунной системы и большого количества фагоцитов не мешает.

Дверь отворилась от мощного пинка, вошел Бернард, за ним Асмер. Барон поморщился, остро взглянул на меня, что за бесцеремонные эти старые приятели, неужели не понимают, что перед ними уже не тот прежний собутыльник, а гроссграф и майордом.

Я приглашающе указал на свободные места за столом.

– Кофе?

– Лучше бы вина, – прогудел Бернард.

Я похлопал в ладоши, никто не ответил, потом приотворилась дверь, страж просунул голову.

– Что-нить нужно, ваша светлость?

– Вели принести вина, – сказал я.

Барон Альбрехт поднялся с самым недовольным видом, будто брезговал с ними сидеть рядом. На полдороге к двери обернулся. Лицо снова стало злым и раздраженным.

– Я пока проверю тех, – сообщил он, – кто в приемной.

Я отмахнулся.

– Да никто не кинется...

Он посмотрел с легким презрением.

– Чувствуется, сэр Ричард, что вы только завоеватель.

И вышел, хлопнул дверью. Бернард с укоризной покачал головой.

– Что он такой злой?.. В бою был веселее...

– Хорошо сражался? – спросил я. – Ты видел?

– Хорошо, – сообщил Бернард с одобрением. – И сам рыцарь знатный, против троих разом дерется, и отрядом командует так, чтоб все вместе и без потерь...

Дверь открылась, двое воинов, убрав мечи, принесли по кувшину вина. Асмер побегал по кабинету и, отыскав потайную дверцу, обнаружил с десяток драгоценных кубков.

Они заканчивали первый кувшин, когда появился барон, еще злее, чем был, и хмуро сказал с порога, что на прием просится господин Крумпфельд, бывший старший королевский советник. Асмер и Бернард переглянулись, Асмер поморщился, а Бернард посмотрел на меня с ожиданием в глазах, мол, не лучше ли и этого повесить.

Я сказал торопливо:

– Дорогой барон, раз уж вы решили поиграть в дворецкого, то... зовите!..

Бернард скривился.

– Я слышал, при дворах всегда церемонии.

– И чем двор больше, – добавил Асмер с ухмылкой, – тем церемонии сложнее. И побольше их, конечно.

Я отмахнулся.

– Верно. Ну и что?

– Помариновать бы часок, – сказал Бернард авторитетно. – Пусть знает! Их власть кончилась.

Я отмахнулся.

– Они это знают, а лорд-протектор выше церемоний. Да и поймет он, что нарочито выдерживаем. Они тут все хитрее нас!

– Помогла им хитрость, – буркнул он.

Барон смотрел на них оловянными глазами, а когда Асмер и Бернард не поняли, чего от них хотят, он сгреб кувшин и оба кубка, требовательным кивком пригласил идти за ним.

Ворча, они удалились, за дверью донесся чей-то громкий голос, приказ покатился дальше, прыгая по головам. Я оглядел себя в зеркало, вмонтированное в стену напротив, но тут же одернул. Это перед своими легко надеть нужную морду лица, а в этой хитрожопой стране мое притворство раскусят быстро, потеряю очки, а этот королевский советник, изощренный в дворцовых интригах, их получит...

Через несколько минут по ту сторону двери раздалось приближающееся топанье. Мне показалось, что стражи стучат копытами нарочито громко, то ли меня будят пораньше, то ли нагоняют страху на советника.

Дверь распахнулась, на пороге возник высокий худой господин, весь в серой, хоть и прекрасно сшитой и подогнанной по фигуре одежде, то есть скрывающей недостатки и подчеркивающей достоинства, хотя скрывать приходится намного больше.

Лицо его показалось мне маской, тоже выкрашенной в бледно-серый цвет. Даже тонкие губы серые, впрочем, там вместо губ ротовая щель, и, что удивительно, глаза тоже ухитрился сделать абсолютно оловянными, полная противоположность всему люду, что встречался раньше.

Я невольно поднялся из-за стола, эта дурацкая привычка вставать перед людьми старше меня по возрасту, сделал приглашающий жест к креслу и сказал, ненавидя себя за излишнее гостеприимство:

– Прошу вас, советник... э-э...

– Крумпфельд, ваша светлость, – подсказал он с поклоном.

Я кивнул, словно только сейчас услышал его имя, спросил как можно равнодушнее:

– Вы человек незнатный, судя по тому, что никаких титулов?

– Барон Крумпфельд, – ответил он с поклоном. – Но, ваша светлость, в приемной толпятся и герцоги! А с высоты этого порога все равно: барон или простолюдин.

Он смотрел бесстрастно, я подумал, что это не все равно, знатности придают значение везде, но смолчал, у советника могут быть свои причины.

– Надеюсь, – сказал я холодно, – у вас действительно важное дело, а то времени у меня в обрез, и расхотать его на ерунду не намерен.

Он еще раз поклонился и опустился в указанное кресло, не сводя с меня взгляда. В его движениях я не увидел ни подчеркнутого достоинства моих рыцарей, ни самоучижения слуг, а некую доверительность, словно пришел к неизвестному торговцу с большими возможностями и надеется на взаимовыгодную сделку.

– Крумпфельд, – повторил он, – Куно Крумпфельд, королевский советник. Заведовал постелью, дворцовыми соколами, а также кухней. Это звучит несколько унижительно, но на самом деле...

– Знаю, – прервал я, – в одной из стран я коннетабль, что вообще-то просто конюх.

Он наклонил голову, ничуть не удивившись.

– Королевский.

– Но все равно конюх, – сказал я сварливо.

Он позволил себе чуть-чуть улыбнуться.

– Названия остаются, а полномочия расширяются, не так ли? В этом случае вы понимаете, что постельничий занимается также торговыми связями, подготовкой посольств, рудниками и налоговыми сборами. Сейчас в занятых вашими войсками землях сравнительно спокойно, народ не голодает. У всех есть какой-то запас необходимого, но через несколько дней, пусть недель...

– Хаос? – подсказал я.

Он посмотрел на меня несколько удивленно, слишком быстро я среагировал.

– Сперва волнения, – сказал он бесстрастно. – Совершенно вам ненужные. Хаос потом. Я кивнул.

– Вы обрисовали ситуацию верно.

– Осмелюсь ли я узнать, – проговорил он осторожно, – что вы намереваетесь делать? Или скажем точнее: намереваетесь ли вы что-то делать? Или же, как истинный полководец, проведете войска дальше, не обращая внимания, что за спиной?

Мы некоторое время изучающе рассматривали друг друга.

– Мне вообще-то нужны управленцы, – произнес я медленно, стараясь, чтобы мой голос не прозвучал слишком уж заинтересованно. – Но у нас несколько иная система. Все держится на личном вассалитете.

Он наклонил голову.

– Так везде, только называется иначе. Король, как вы догадываетесь, а вы догадываетесь... тоже ставит на все должности прежде всего лично преданных ему людей. Хотя они обычно не самые лучшие или знающие.

– Вы, – спросил я в упор, – считаете себя лучшим?

Он позволил улыбке чуть-чуть коснуться его серых губ.

– Скорее, знающим.

– И готовы сотрудничать?

Он ответил так же спокойно, как и раньше:

– Да, ваша светлость.

– Вы в состоянии взяться, – уточнил я, – за обеспечение экономических нужд населения?.. Хотя бы первой необходимости?..

Он кивнул снова.

– Да, ваша светлость. Я занимался этим и раньше. Среди прочих дел.

– Потянете? – спросил я. – Если учесть, что сейчас придется заниматься областями, по которым прокатилась война. Сперва дикие варвары, потом красиво и культурно прошли мы, как более просвещенная нация, дограбив остальное.

– Возьмусь, – повторил он. – Если, конечно, позволите пользоваться моими людьми. Многие уже знают, что делать, а ваших нужно долго учить.

– Даже переучивать, – сказал я великодушно. – Хорошо, сэра Куно, я даю вам все необходимые полномочия для хозяйственной деятельности по восстановлению экономики пострадавших областей. Вплоть до принятия чрезвычайных мер.

Он сразу насторожился.

– Простите?

– Придется кого-то повесить, – любезно пояснил я, – распять или сжечь на костре... дела житейские! Война – кому-то горе, кому-то мать родная. Разбойников и мародеров вешайте без раздумий и проволочек. Один повешенный на виду у всех сразу делает тысячу других добропорядочными и даже богобоязненными. Правда, это относится к людям подлого звания, а с благородными потрудитесь составлять отчеты: кого и за что. Это на случай, если вдруг обвинят, что сводите какие-то счета.

Глава 5

Он внимательно слушал, по его лицу я видел, что о таких возможностях даже не мечтал, но не выказывает радости, молодец, больше полномочий – больше и спрос, сказал размеренно:

– Я сделаю все, ваша светлость, чтобы население продолжало усердно трудиться.

– Словно ничего особенного и не произошло, – сказал я.

– Словно ничего особенного и не произошло, – повторил он послушно, будто делал заметки в блокноте для деловых записей.

– А купцы должны торговать, – подчеркнул я. – Кстати, под Хребтом в моей личной собственности Тоннель. Так, небольшой, всего лишь на ту сторону. В смысле, короткий. А так вообще просторный, удобный! У Древних не хватило ума жить мирно, но строить умели.

Он ахнул, впервые растеряв невозмутимость. Я видел, что протрясло, глаза загорелись, как у кота при виде цистерны свежей сметаны.

– Тоннель?.. Вы не шутите?

Я отмахнулся.

– Какие шутки? В числе моих войск из Брабанта есть и добровольцы из стран, что находятся по ту сторону Хребта. Их немного, но они есть, есть.

Он выглядел все еще ошарашенным, но я видел, с какой скоростью работает его мозг, так как сразу же пробормотал:

– Да-да, теперь все яснее. А то я все ломал голову, откуда у вас столько прекрасных воинов...

– Это все из Брабанта, – сказал я настойчиво. – Из диких северных королевств совсем немного. Ограниченный контингент! Добровольцы. Энтузиасты. Они разбросаны по воинским единицам лордов Брабанта, угрозы не представляют.

Он уронил взгляд.

– Да-да, ваша светлость. Именно так я и думал.

Я стиснул челюсти, такого обмануть непросто, сказал четко:

– Не то важно, что вы думаете. Главное, чтобы придерживались этой линии. А все прочие разговоры пресекали. Словом, сэра Куно, действуйте!

Он понял, что разговор закончен, полномочия получены, напутствия даны, и, поднявшись, отвесил почтительнейший поклон, отступил к двери.

– Я не подведу вас, ваша светлость!.. – заверил он напоследок. – Но, простите, последний вопрос...

– Если последний, – сказал я милостиво, но властно.

– Насчет Тоннеля...

– Имеете в виду торговлю? – спросил я.

Он торопливо кивнул.

– Мне радостно, что вы, полководец и герой, замечаете и такие мелочи жизни...

– Торговля пока беспрошленная, – сказал я, бросая на стол козырный туз, что бьет любую карту. – На самом деле, если честно, просто не успел продумать эту систему. Неважно, подавайте как хорошо продуманную рекламную акцию по расширению и ознакомлению. Первые торговцы, что проследуют из Сен-Мари через Тоннель в северные земли, получат тем самым все преимущества. И продавать свои редкие товары смогут по ценам, какие установят. Разве не рай для купца? А закупать местное смогут по более низким ценам, пока нет конкуренции. Это вообще, даже не знаю, как и назвать.

Он кивнул, несколько ошарашенно, я уже видел по его глазам, как оформляет в уме создание транснациональных компаний, осторожно закрыл за собой дверь.

Толстая дубовая дверь не пропускает звука шагов, но едва он исчез, появился хмурый Бернард.

– Прохвост, – сообщил он раздраженно. – Мы все слышали через стенку. Там нарочито такая тонкая. Наверное, чтобы советники все слушали, а потом королю подсказывали ответы. Не слишком ли большими полномочиями наделил? Добрый ты, Дик!

– Кто смел, – ответил я, – тот двух съел. Он пришел сам и предложил свои услуги! А другие все выжидают, присматриваются. Жизнь такая штука: более знающих и умеющих обычно опережают именно инициативные да напористые.

– Да уж...

– А что делать? – возразил я. – Откуда мне знать, кто что может? Сидят и ждут, что сам предложу работу и пряники за нее?.. Да, жизнь несправедлива. Но она ко всем несправедлива. Одинаково, если уж уточнять, несправедлива! Пусть и пряники получает этот Куно Крумпфельд, раз уж и работать взялся. А нам одной заботой меньше.

Он качал головой, но я видел по его глазам, что из наших в самом деле некому поручить налаживать разоренное войной хозяйство. Пусть даже не разоренное, но все же ущерб немал, а этот, похоже, работу знает, плюс сумеет организовать местных торговцев и поскорее двинуться с товарами на загадочный север.

Асмер, солидаризуясь с Бернардом, тоже с неодобрением посмотрел на закрывшуюся за советником дверь.

– Скользкий какой-то...

– Можно обладать достоинствами, – согласился я, – и не достигнуть высокого положения! Но нельзя его достигнуть, не имея хоть каких-то достоинств. По крайней мере, у этого хватило отваги явиться и предложить свои услуги человеку, в руке которого меч!

– А умение?

– Думаю, какими-то навыками обладает, – ответил я. – Иначе бы так не рисковал. Посмотрим!

Асмер вздохнул, допил вино и поднялся, красивый и гибкий. За время кампании в Сен-Мари стал как будто еще стремительнее в движениях, а уши совсем уж заострились, выдавая потомка эльфов издала.

– Пойдем, Бернард! – сказал он. – Мы обещали Митчеллу помочь с разбором королевской оружейной.

– Там же сэр Растер, – сказал я, похвалившись знанием, кто чем занят из моих приближенных.

– Где Растер, так и Митчелл, – ответил Асмер весело.

Они направились к двери. Я сказал строго:

– Асмер, Бернард! Вам не отвертеться от рыцарских званий. Берегитесь, скоро беспечная жизнь кончится.

Асмер вздохнул и поскорее выскользнул за дверь. Бернард, сразу став мелким и незаметным, просочился за ним следом чуть ли не в замочную скважину.

Первые дни по всей столице спешно и по возможности тайно прижигали язвы, как мы деликатно называем эту операцию, надо же сохранить общество здоровым. И хотя я в этом не участвовал, в самом деле некогда на небо взглянуть, а насчет чистки только принимал доклады: сколько уничтожено языческих культов, сколько убито жрецов, сколько убежали.

Куно Крумпфельд поступил мудро, в первую очередь занявшись дворцом, я уже к концу дня ощутил его железную хватку. Появились слуги, тихие, молчаливые и очень исполнительные. Возле дверей моих покоев на страже церемониймейстер и главный дворецкий, оба определяют, кого пустить, а кого сразу в шею.

Заработала на полную мощь кухня. Готовят пока из дворцовых запасов, но советник обещал в ближайшие дни наладить бесперебойную доставку свежих продуктов из ближайших сел.

О темном боге, которого «проглотил», я помню постоянно, но забиться в угол и поэкспериментировать хотя бы с полчаса, не удается: под дверью кабинета не уменьшается наплыв ходоков.

Граф Ришар с местными архитекторами прикидывал, как надежнее защитить город, пустые проемы ворот – безумие, если их не закроет магия намного более мощная, чем врата из толстых досок, да еще и оббитых железом. Но все-таки надежнее, когда и магия, и крепкие ворота.

Раз уж я занял королевский дворец и личные покои Кейдана, ко мне то и дело пытаются прорваться безумно красивые женщины из числа придворных дам. То ли прежние фаворитки, то ли метящие в них, неважно. Я со злостью велел стражам не пропускать никого, ни одной и ни при каком случае. Даже, если какая разденется догола прямо перед моей дверью и окажется подлинной Афродитой. Или Венерой.

Это просто теплое парное мясо, даже Афродита не заменит Лоралею, а других женщин ну не нужно мне вовсе, не нужно. Настоящие женщины – это те, от общения с которыми в душе хоть что-то шевельнется!

Отца Дитриха, исхудавшего и бледного от недосыпа, я увидел только раз, он привлек уцелевших священников столицы к работе, меня благословил мельком, напомнил отрывисто:

– Держись? У тебя сейчас время соблазнов!

– Каких? – переспросил я. – Отец Дитрих, я та самая свинья, что искренне, представьте себе, убивается по Лоралею, но уже успела дважды согрешить с женщинами просто так, на ходу. И хотя второму разу еще можно отыскать оправдание, мол, покрыл позор деревенской дурочки, то для первого у меня оправданий нет. Я вел себя как свинья, как сладострастное насекомое. Я не просто поддался зову плоти, но наслаждался тем, что это запрещено, что... что это гадко, а я вот беру и делаю!

Он отмахнулся.

– Ты уже каялся, я тебе тот грех простил. Иди и работай. Это лучшая молитва на свете.

Я ушел и в самом деле попробовал заморить себя работой, спешно продумывал головоломные экономические реформы с национальными особенностями, прикидывал, как насаждать религию без насилия и нажима...

Несколько раз делал кофе, а чтобы не вызывать слуг, сотворил еще и пирожки, которые впервые удались во дворце Роджера Найтингейла.

Заглянул церемониймейстер и сообщил непривычным для него шепотом, что на прием просится барон Фортеस्कью. Говорит, что ему назначено.

– Точно, – подтвердил я. – Зови.

Стражи отворили двери, из просторного зала в кабинет шагнул и остановился в ожидании поджарый господин, одетый со сдержанной пышностью. Я не сразу признал преобразившегося барона Фортеस्कью. В крепости герцога Готфрида это был сытенький и розовощекий вельможа, а сейчас вошел худой, как гвоздь мужчина с запавшими глазами и ввалившимися щеками, кожа все еще желтая, на щеке два рубца, их во время пребывания в Брабанте не было.

– Барон, – сказал я, поднимаясь из-за стола, – простите, что оторвал вас от домашнего уюта!

Он поспешно поклонился.

– Сэр Ричард, – произнес он учтиво, – я не могу выразить слов благодарности за мое освобождение. Располагайте мною, моим имуществом, землями, моим временем и моей жизнью как пожелаете!

Я выставил перед собой ладони.

– Что вы, барон, я же сказал, вам причитается еще и компенсация за несправедливое заточение... А так как за неимением королевской власти я представляю закон, то от меня и получите... гм... Но с этим успеем, а сейчас я просил вас зайти по весьма щекотливому делу. Король Кейдан, по нашим данным, отступил в анклав Ундерленды, там сама природа противится вторжению... Я намерен послать к Кейдану посла. В конце концов, мы же цивилизованные и христианские правители! Европа обычно грызется между собой, но, когда на пороге мавры... это фундаменталисты такие, Европа должна выступать единым фронтом. Но я не нашел никого, любезный барон, кто мог бы послужить общему делу примирения, кроме вас, сэра... сэра?

– Людольфинг, – сказал он поспешно. – Нелепое имя, но уж родителей осуждать нехорошо. Сэр Ричард, но... смотрите, вам виднее, хотя лично я отправлюсь с великой и злобной радостью! И постараюсь сделать все, что в моих силах... и даже больше. Среди окружения Кейдана почти все со мной в хороших отношениях, с некоторыми давно дружу домами. Я сумею их склонить к сотрудничеству с вами! А уж как получится с королем, вы же знаете его вздорный нрав...

Я снова выставил как щит ладони.

– Барон, полностью полагаюсь на вас! Никаких связывающих вас руки инструкций. Просто действуйте во благо королевства. Кстати, велю подготовить указ о присвоении вам титула графа. Это будет одновременно и компенсация за время, проведенное в темнице, и аванс на будущее.

Он ахнул, я видел, готов целовать мне руки, в глазах такая благодарность, что я сказал поспешно:

– Барон... э-э... граф, я вас отправляю не на отдых к морю. Не благодарите, у вас впереди трудная дорога.

Он сказал горячо:

– Клянусь, я все сделаю! Я буду счастлив показаться там и многим утереть нос. О, сэра Ричард, как я этого жажду!

Глава 6

Я невольно хихикнул, представив себе, как герцог Готфрид прибыл через чудовищно тяжелый Перевал в Армландию и с изумлением узнал, что я давно уже не в плену, за это время произошло удивительно много, целый вихрь событий, его сын Ричард уже гроссграф, земли Армландии под его железной рукой, и, самое главное, открыт Тоннель под Великим Хребтом, через который он только что перебрался с таким трудом поверху...

Более того, его сын Ричард вторгся с небольшой, но сплоченной и хорошо обученной армией в Сен-Мари!.. Представляю, с каким пылом герцог, загоняя коней, бросится к Тоннелю, чтобы поскорее увидеть это чудо и с комфортом вернуться в Брабант!

Я прикинул, что герцогу пришлось дожидаться весны, когда сойдут снега, освобождая дороги, потом вытерпел, пока подсохли, иначе тяжелые рыцарские кони увязнут по брюхо, и вот в конце весны он со своим эскортом уже карабкался к Перевалу... Неделя на подъем, неделя на спуск, в начале лета вступает в пределы Армландии, узнает ошеломляющие новости... Вообще-то пора уже и вернуться. Обратный путь через Тоннель проще. Либо задержался в Армландии, там оставшиеся лорды наверняка изматывают пирами в честь отца их гроссграфа, либо вернулся в Брабант и пытается разобраться, сколько же народу я увел из его герцогства...

Во дворце заинтересовала дверь, больше похожая на ворота, под самый потолок, словно сделали для великанов. Церемониймейстер почтительно сообщил, что за нею зал с тронном Древних Королей. Однако закрыт такими заклятиями, что ни один из магов отворить не может. И распаивается только раз в году.

Я подошел, подергал за ручку. На миг показалось, что вот я такой то ли крутой, то ли везунчик, возьмет и распахнет, однако даже не дрогнуло. Ощущение такое, что проще сдвинуть с места Великий Хребет, чем эту дверь.

– Не очень-то и хотелось, – пробормотал я, скрывая разочарование. – Подумаешь, раритет.

– Лучше и не надо, – сказал церемониймейстер с явным облегчением. – Древняя опасная магия. Разумнее держаться подальше.

– И что, – спросил я раздраженно, – никто не открывает?

– Только Великая Жрица, – ответил он почтительно, – хранительница Знаний Древних Королей! Но никто не знает, где обитает, появляется из ниоткуда. Не чаще, чем раз в год...

В зал вошел барон Альбрехт в сопровождении моего оруженосца, я помахал рукой.

– Барон, – сказал я, – вы мне очень нужны, иначе бы не посылал за вами. Я понимаю, что пьянствовать с сэром Растером и ходить по гарпиям интереснее...

Церемониймейстер поклонился, когда я, уже забыв о таинственной двери, взял военачальника под руку и повел к своему кабинету. Барон посматривал недоверчиво и настороженно.

– Сэр Ричард, как я понимаю, хотите навесить на меня что-то еще? Совсем уж гадостное?

Стражи отсалютовали, перед нами распахнули двери в мои покои. Я указал барону на кресло, он выждал, когда сяду, поклонился и опустил с такой осторожностью, будто я мог усадить на острые ножи.

– А что, – спросил я сердито, – мне одному разгрести эти навозные кучи? Нет уж, раз пошли за мной, идите дальше. Даже если придется топтать по колену в этом самом... Про чистки не спрашиваю, этим занимается отец Дитрих. А вот как с купечеством?

Он проворчал:

– Я велел собрать их сегодня в большом зале.

Я поднялся, обошел стол и обнял его за плечи.

– Расцеловал бы вас, барон, да боюсь, не то подумаете... Хотя что можно подумать, здесь пока еще существует только крепкая мужская дружба, обниматься можно без страха... Вы сделали, барон, то, о чем я как раз хотел просить вас!

Он буркнул:

– Они уже собираются. Я ждал, когда освободитесь, чтобы... словом...

– Идемте! – сказал я с подъемом.

Главный зал забит придворными, ловят каждый мой взгляд и каждый жест. Быстро перестроились, мелькнула мысль. Впрочем, это хороший знак. С тонущего корабля крысы бегут, а на благополучный стараются попасть с семьями.

Перед нами расступались с низкими поклонами, красивый такой коридор из пышно одетых вельмож, только в задних рядах злобное шевеление, стараются пробиться поближе.

Во втором зале, что победнее обставлен и размерами поменьше, в креслах расположилось около дюжины человек. Все вскочили и низко кланялись, в движениях меньше артистизма и отточности, но, как мне почудилось, больше достоинства.

Я широко и благожелательно улыбался, я же отец народа, теперь и этого, вскинул руки.

– Приветствую!.. А теперь все садитесь. Вы старше меня, должны сесть первыми...

Но все-таки сел первым я, а то они заколебались от такого чрезмерного жеста. Я похлопал ладонью по столу.

– Итак, – сказал я бодро, – вы старшины и главы основных гильдий? Прекрасно. А я, как уже знаете, тот самый, что власть. Неважно, как в данном случае называется, главное – власть. Некоторые соратники предлагают мне называться майордомом. Ну, вам не надо объяснять, что это такое. Так вот, как верховная и абсолютная власть, я собрал вас здесь, чтобы заверить в своем уважении и симпатиях. Вы – соль земли, вы создатели богатства королевства!.. Кстати, что-то не вижу среди вас господина Рамола.

Они переглядывались, один проворчал:

– Этот проходимец состоит в моем торговом союзе... Но он слишком мелок, чтобы бывать на таких высоких собраниях.

– А, вас зовут господином Луи? – спросил я. Все выглядели потрясенными, а Луи так и вовсе затрясло. – Да, господин Рапол о вас тоже говорил, говорил...

Я сделал многозначительную паузу, чтобы они поняли, что мог наговорить Рапол. В центре поднялся и с поклоном заговорил, слегка заикаясь от страха, солидный купец в бархатном кафтане:

– Простите, ваша светлость! Я – Герберг, глава совета гильдий. Удивительно, что даже вы слышали о Раполе. Это наш позор, но у нас свобода, а он вроде бы не нарушает правила... слишком сильно. Ваше светлость, здесь купцы только главного звена, а Рапол мелковат, чтобы входить в совет гильдий...

– Да? – удивился я. – А я, когда работал у него охранником, думал, что он крупный торговец...

Они все превратились в соляные столбы, на лице Луи был шок. Всесильный завоеватель работал у Рамола охранником? У Герберга, более расчетливого, в глазах читалась острая зависть, что сволочный Рапол везде пролезет и нужные связи заимеет. Остальные просто застыли, не зная, что думать и как реагировать.

Луи пролепетал осевшим голосом:

– Вы... у Рамола...

Я отмахнулся.

– Да это было давно. Неделю тому. Варвары осаду не начинали, наши войска еще не подошли, вот я и подрабатывал у Рамола по охране его караванов... Ладно, как только появится, скажите ему, что его караванам разрешен проход через Тоннель под Хребтом на ту сторону... и торговля в тамошних королевствах. Беспощадная!..

Герберг охнул, глаза выпучились. Купцы уже изумленно и с раздражением переглядывались. Луи спросил, заикаясь:

– Тоннель? Под Хребтом?

– Да, – ответил я быстро и в нетерпении, насточертело всем объяснять, – Тоннель просторный, хорошее освещение, товары не придется нести на руках, телеги пройдут легко. Вам, кстати, тоже можно торговать. Беспощинно! Пока что. Для привлечения и популяризации.

Герберг поклонился, лицо превратилось в маску, только в глазах мелькают изображения монет, да вид больно сосредоточенный, что-то подсчитывает в теновом режиме.

– А как вообще... – спросил он медленно, – с торговлей...

– Здесь? – спросил я.

– Да, в королевстве.

– Все по-прежнему, – заверил я. – Разве что товары народного потребления, которые используются исключительно в черных мессах, подлежат запрету и уничтожению. Изготовители будут красиво повешены, а распространители... гм... тоже. Советую переходить на церковные товары. Церковь – солидная фирма, ассортимент может быть еще шире, не прогадаете. Особенно, если учитывать, что ее роль возрастет... Словом, власть в моем лице будет всячески помогать экономическому становлению Геннегау и всего королевства! Помощь – вот наш девиз! И лозунг.

Они переглядывались, осваиваются достаточно быстро, это же торговцы, улавливают нюансы моего поведения, уже убедились, что опасность им не грозит.

Герберг сказал осторожно:

– Помощь должна совершаться не против воли того, кому помогают.

– Абсолютно верно! – сказал я отчески. – Вы абсолютно правы!.. Геннегау должен быть счастлив, что во главе совета гильдий стоит такой мудрый человек, как вы. Потому мы и помогаем вам, что в глубине своих душ каждый жаждет жить хорошо и чисто, но наша плоть затмевает разум, и живем совсем не так, как хотим... в глубине души. Где-то там, на очень большой глубине.

Он сказал настороженно, еще не зная, как далеко можно зайти в сопротивлении:

– Но вы ее видите?

– Господь видит все, – сказал я твердо. – И подсказывает церкви, что выполняет его волю. А мы, рыцари, выполняем волю церкви. Геннегау будет очищен от гнили и разложения, после чего, как выздоровевший, ощутит жажду жизни и развития. После кризиса всегда подъем! А кризис я вам уже обеспечил.

– Жажду жизни?

– Жизнь ерунда, – сказал я, – главное – развитие! Вы представляете, какие у вас возможности в связи с открытием Тоннеля? Перед вами, как более развитыми в экономике и торговле, лежат бескрайние поля сбыта ваших товаров! Северные королевства купят у вас любые, потому что здесь значительно лучше и технологичнее. Разве это не перевешивает все остальное? Или для вас так уж важны черные мессы? Ведь плоть можно тешить и без всяких глупых ритуалов!

Он слушал внимательно, выражение лица несколько раз менялось, сказал нехотя:

– Да, конечно, для меня дело – самое важное. И если все так, как вы говорите...

– Так, – сказал я уверенно. – Торговец Рамол, как я уже говорил, наверняка отправил караваны в северные королевства! А у него чутье, чутье...

Герберг помрачнел, тугие желваки вздулись под красной от солнца кожей.

– Рамол... Этот проходимец... Всегда первым старается пролезть в каждое новое место...

– Его уже не обогнать, – лицемерно посочувствовал я, – но и вторым быть неплохо, не так ли? А можно стать и первым, если завезти товаров впятеро больше и перехватить нити рынка.

Он задумался, оглянулся на притихших купцов, у каждого из которых те же вопросы. Глаза остро блеснули.

– Вы очень хорошо разбираетесь в нашем деле.

– Я не всегда был только рыцарем, – ответил я загадочно, – да и сейчас, гм... словом, я имею свою долю в ряде очень выгодных предприятий. Смело можете считать меня своим, господин Герберг.

Оставив купцов обсуждать сногшибательные предложения, я покинул зал, в приемной увидел советника Куно Крумпфельда, он и здесь держится настолько скромно и незаметно, что я заметил его сразу.

По моему кивку он приблизился, я посмотрел на остальных, произнес громко:

– Прошу вас, барон. Вас я приму в любое время.

Когда дверь за нами захлопнулась, он проговорил торжествующе и в то же время обеспокоенно:

– Ну, теперь меня загрызут.

– У вас кости крепкие, – ответил я. – Да и кожа. Садитесь, барон. Рассказывайте.

– Мелочи вас не интересуют... – начал он.

– Вы как в воду смотрите!

– ...потому доложу о том, что мне совсем не по зубам. А вот вы могли бы...

– Что именно?

Он развел руками.

– Есть смысл привлечь на свою сторону местную знать. К примеру, герцог Бруно Гандерстеймский обладает огромнейшим влиянием, к тому же он всегда был в опале у короля. Возможно, Его Величество ревновал его или остерегался, ибо род герцога Бруно древнее и значительнее, чем род короля Кейдана... Словом, если привлечь герцога на свою сторону, то вам обеспечена поддержка многих знатнейших семей, что идут за герцогом. Мне кажется, что...

– ...что не следует пренебрегать такой возможностью, – договорил я. – Так?

Он ответил с поклоном.

– Так, сэръ Ричард. Хочу заодно выразить свое восхищение, вы в первые же дни приняли глав купеческих гильдий и вдохновили их. Вы не только великий воин и удачливый полководец. Это очень важные сигналы для предприимчивых людей.

– Хорошо, – ответил я, – герцог Бруно Гандерстеймский?

– Да, сэръ Ричард.

– Сегодня же постараюсь договориться о визите к нему.

Он вскинул брови.

– Вы не станете вызывать его к себе?

– Ему больше польстит, если прибуду к нему лично, – пояснил я. – Как младший рыцарь к старшему.

Он поклонился.

– Сэръ Ричард, это можно считать за лесть... Но вы поступаете непривычно мудро для своего возраста.

Глава 7

Да что они все о возрасте, думал я, когда поднимался в седло. Человек, который учился чему-то, всегда старше одногодок, которые не учились. Правильно сказать, мне столько лет, сколько моей цивилизации.

Я удивился, обнаружив, что дворец, которым я так впечатлился издали, хоть и безумно высок, но одноэтажен. И похож на нечто древнегреческое, то есть массивная плоская крыша, подпираемая колоннами по две, и так семь пар. С боков, правда, сразу стены, а с фронта из-за глубокой тени создается впечатление, что можно пройти насквозь.

Впрочем, этот холл в самом деле велик, но если здесь отсутствует проблема морозов с метелями, то местным достаточно защититься только от дождя.

Я въехал на Зайчике прямо в холл, распугивая красивый, как бабочки с неистрепанными крылышками, народ. Ко мне бросился самый ярко и богато одетый вельможа, понятно, швейцар или что-то соответствующее.

– Умоляю! – прокричал он в панике.

– Да? – спросил я с интересом. – Что вам?

– Сюда нельзя!

– Правда? – удивился я. – Вот уж не думал... Какие везде разные обычаи! Ну хорошо, в чужой монастырь...

Я соскочил на мраморный пол, на меня все смотрят ошалело. Я бросил повод паникеру.

– Держи. Герцог еще не спит?

– Герцог никогда не спит, – ответил он автоматически. – Но сейчас он весьма и зело занят.

– Морда, – произнес я мирно, – ты еще не знаешь, кто я?

– Догадываюсь, – произнес он, трепеща всем телом. – Просто не мог поверить... Позвольте, доложу?

– Только быстро, – велел я.

Он сунул повод кому-то из слуг пониже рангом, но все равно одетому так, что можно спутать с самим королем, унеся бегом. Его провожали обалделыми взглядами, а на меня смотрели с суеверным ужасом.

Я медленно шел следом, морда ящиком, если уж с испугом смотрят со всех сторон, надо соответствовать роли пугателя.

В большой зале навстречу заспешил церемониймейстер, поклонился с превеликим достоинством.

– Как изволите доложить?

– А никак, – ответил я легко. – Ты-то знаешь, кто я?.. И достаточно. Где герцог?

– Он... сейчас в саду.

– Проведи, – велел я. – Заранее докладывать не надо, я не по делу и всего на несколько минут. Не стоит его светлость тревожить по пустякам. А то еще начнет готовиться к моему визиту... ну, ты понял.

Он поклонился и ответил с запинкой:

– Да, сэръ майордом...

– Лорд-протектор, – поправил я.

– Я слышал, вас называют майордомом...

Я отмахнулся.

– Все это неважно. Лишь бы человек был хороший, а я не просто хороший, я замечательный, понял?

Он поспешно поклонился.

– Да, сэръ! Вы – победитель, а побеждает, как известно, всегда добро и всегда лучшее. При любом исходе битвы.

Я благосклонно кивнул.

– То-то. Я вам покажу вертикаль власти. Веди!

Мы прошли дворец или это крыло насквозь, всего-то с десятков залов, за колоннадой сразу открылся роскошный сад. Дворецкий повел по извилистым дорожкам, я топал следом, делая вид, что полностью расслабился и посматриваю по сторонам с ленивым интересом, но все-таки я в завоеванной стране, где почти все враги, замечаю не только цветы, но и легкие шевеления веточек, которые мог потревожить ветер, а мог кто-то еще.

На этой стороне дворца, как понимаю, сад для «себя»: нет широких дорог для гуляния толпами гостей, для празднеств и шашлычков, после чего эта пьянь потопчет все цветочки и облюет все орхидеи.

Мы шли между высокими деревьями, со стволов прямо от земли усыпанных огромными розами. Воздуха нет, один приторно-сладкий запах, бесшумно шлепают по воздуху неряшливые бабочки и мотыльки, роняя с крылышек цветную пыльцу. Красиво и стильно проносятся стрекозы, важно гудят жуки, похожие на уменьшенных сэров растеров...

В глубине сада спиной к нам высокий мужчина с двумя дамами, театрально поводит руками и что-то рассказывает.

На мой взгляд, он пил из одного стакана, глядя на другой: обращается с рассказом к одной, а взглядом уже залез в низкий вырез на платье другой, улыбающейся томно и обещающе.

До меня долетели слова, сказанные красивым мужественным баритоном:

– ...я на это сказал королю, что наберите команду плыть в рай и попробуйте сделать стоянку в аду на жалкие полчаса, просто чтобы взять углей из жаровни, и будь я проклят, если какой-нибудь сукин сын не останется на берегу!

Женщины весело и звонко смеялись, выгибаясь и волнительно двигая плечами, чтобы груди колыхались шибче, сверкали улыбками и глазами. Ни одна из них почему-то не показалась женой герцога, или я совсем не разбираюсь в этих существах.

Я надел на лицо самое благожелательное выражение, ибо хорошее воспитание – это умение скрыть, что вы очень высокого мнения о себе и очень невысокого о своем собеседнике, требовательно взглянул на дворецкого.

Тот, уменьшаясь в росте, кашлянул, а когда герцог начал поворачиваться, объявил торопливо, в то же время громко и звучно:

– К его светлости сэръ... майордом Ричард!

Все трое повернулись, на лице герцога гримаса неудовольствия сменилась изумлением. У дам приоткрылись рты, а глаза полезли на лоб. Герцог унаследовал рост и могучее сложение от дальних предков, что огнем и мечом завоевывали эти земли, но сейчас даже умело сшитый камзол не в состоянии скрыть немалых размеров живот, руки выглядят тонковатыми, а крупное лицо завоевателя смягчено толстыми складками на щеках и тремя подбородками.

Дамы выглядят великолепно, сочные и в то же время царственные, одна, как теперь понимаю, жена, а другая... леди Бабетта! Хотя, кто знает нравы герцога да и Бабетты, может быть, тоже жена.

Она смотрела на меня в изумлении, но быстро пришла в себя, даже зашептала с подругой, бросая на меня чисто женские взгляды.

Я отвесил церемонный поклон.

– Дорогой герцог! Я, будучи наслышан о ваших талантах, не мог не нанести вам визит! Потому пользуюсь случаем засвидетельствовать почтение...

Он смотрел неподвижно, ошарашенный, я видел, как по его лицу пробежала целая гамма чувств, от возмущения, что явился агрессор и захватчик, до лестного понимания, что это же

сам майордом, вытеснивший варваров и захвативший королевство. Явился лично, а не сообщил, что готов принять его в ныне своем королевском дворце.

– Гм, – произнес он, все еще раздираемый сомнениями, как поступить лучше, выгнать меня в шею или же принять, как гостя, – позвольте представить мою жену Каринтию, а также ее лучшую подругу, леди Элмариэль.

Герцогиня чуть склонила голову в приветствии, а леди Бабетта, которую он назвал Элмариэлью, смотрела на меня хитрыми глазами, то ли не в силах скрыть, то ли не желая скрывать неподдельное удовольствие от встречи.

Я коротко и несколько деревянно поклонился.

– Мое почтение дамам. Очень хотелось бы побыть именно в вашем обществе, но дела, дела... Дорогой герцог, все в городе говорят, что вы наиболее влиятельный человек в королевстве! Может быть, даже влиятельнее самого Кейдана.

Герцог приосанился, посмотрел гордо на дам, затем перевел более благосклонный взгляд на меня.

– Ну... я как-то не обращаю внимания, что говорят.

– Очень мудро, – согласился я. – Мало ли что говорят. Дорогой герцог, вы можете мне уделить пару минут? Клянусь, я не задержу вас. Дамы просто не заметят вашего отсутствия.

Он нахмурился, мои комплименты звучат двусмысленно, но позволил взять себя за локоть и отвести в сторону, чтобы дамы не слышали нашего мужского разговора.

– Вы самый влиятельный человек, – повторил я уже негромко, – мне посоветовали нанести визит именно к вам. Что я и делаю... Как вы понимаете, в условиях военного времени законы упрощены. Все функции законодательной, судебной, исполнительной и прочей власти переходят к командующим войсками. Потому все, способные носить оружие в вашем герцогстве, отныне подчинены мне.

Он напрягся, голос прозвучал натянуто, как тугая струна:

– Сэр Ричард, я не вижу в этом крайней необходимости...

– Потому королевство и захватили варвары, – прервал я. – Беспечно живете, герцог! Впрочем, спорить не о чем, как и убеждать вас. Время не терпит, потому я уже отдал приказ влить ваши отряды в наше войско. Конечно, предварительно разбив их на небольшие группы.

Он стиснул челюсти, метнул быстрый взгляд в сторону дам, не слышат ли. Герцогиня красиво выпрямилась, настоящая королева, а леди Бабетта на этот раз не строит мне глазки, отрабатывает целомудренный и строгий, как в северных королевствах, вид.

– Я все еще не вижу необходимости, – повторил герцог тише и уже не таким твердым голосом, – впрочем, с вашей помощью мы окончательно избавимся от варваров. А потом все вернем на свои места.

В его голосе прозвучала затаенная угроза, а вот хрен тебе, подумал я и, светски улыбнувшись, заверил горячо:

– Конечно-конечно, любезный герцог! Я счастлив, что вы меня поняли и охотно предоставили в мое распоряжение свои вооруженные силы, крестьян и прочие ресурсы. Вы совершенно правы: все для фронта, все для победы! А потом да, вернемся к мирной жизни...

Я не сказал «прежней мирной жизни», пусть понимает по-своему, я уже научился вкладывать другой смысл в привычные слова, подбирая те, которые можно истолковать двояко, а те, которые нельзя, заменяя и опуская вовсе.

Дамы встретили наше возвращение милыми улыбками, я сказал с подъемом:

– Как самый влиятельный человек в королевстве, герцог понимает, что ему нельзя стоять в стороне в такое беспокойное время!.. Я рад, что он с нами. А теперь, дорогие друзья, позвольте откланяться. Что делать, работа, работа, работа...

Леди Бабетта, заговорщицки улыбнувшись герцогу и его жене, сказала живо:

– Дорогой сэръ, позвольте вас чуть проводить? Хочу побыть рядом с великим полководцем, что так стремительно очистил нашу землю от варваров!

Герцог и супруга переглянулись. Герцог сказал с сомнением:

– Сэр Ричард очень занятой человек, он ценит время...

– Это я заметила, – живо сказала Бабетта. – Сэр Ричард?

Я кивнул:

– Да, конечно. Но, к сожалению, я отбываю в распоряжение войск, могу уделить времени совсем немного.

Она прошептала:

– Я вас просто провожу до выхода из сада!

– Польщен, – пробормотал я.

Она подхватила меня под руку и, прижимаясь горячей тугой грудью, повела через сад, улыбаясь весело и таинственно. Я чувствовал ее тепло и податливое тело, очень женственное и зовущее, но шел так, словно со мной идет рядом нечто из дерева.

– Милый Ричард, – произнесла она щебечуще, – а вы изменились...

– Надеюсь, – спросил я с показным беспокойством, – в лучшую сторону?

Она улыбнулась.

– О, да!.. Так возмужали.

Я кивнул.

– Сам чувствую.

Ее улыбка стала шире, глаза лукаво смеялись.

– В каком месте?

Я постучал пальцем по лбу, самому почудился тихий медный звон.

– В этом вот.

– Это как? – спросил она, все еще улыбаясь, играя глазами и чуть двигая плечом, чтобы сползла лямка.

– Она великолепна, – ответил я, – это когда смотришь на красивую женщину и видишь не только ее роскошную грудь.

Она обрадованно заулыбалась.

– Правда? Вам моя грудь понравилась?

– Она великолепна, – ответил я искренне. – По крайней мере та часть, что выставлена взорам.

– Ох, сэръ Ричард, я вам разрешаю взглянуть и на остальное...

– Польщен, – ответил я. – Ну да, польщен. Весьма. Леди Бабетта, с какой целью вы проникли в расположение наших войск?

Ее улыбка слегка померкла, хотя уголки рта не сдвинулись ни на миллиметр, продолжая показывать в веселой улыбке безукоризненные зубки, влажный красный рот, но я ощутил некоторое напряжение в ее лице.

Бабетта придержала меня за руку, вдали уже ворота, лицо раздуманное, глаза блестят живо, трудно не поверить, что безумно рада встрече. Она повела плечами, лямки соскользнули, и платье не опустилось до пояса уж и не знаю почему, за что именно зацепилось, вроде бы за грудь. Но если она чуть шевельнется или даже глубоко вздохнет...

– Леди Элмариэль, – повторил я, не спуская с нее взгляда. – Кажется, что-то я слыхивал про некую Элмариэль... Вот уж не подумал бы, что встречу старую знакомую...

Она сказала с упреком:

– Сэр Ричард, какие оскорбительные слова употребляете!

– Оскорбительные? – переспросил я. – Да, сам понимаю, знакомиться придется заново.

– Мне тоже, – сказала она живо. – Вы совсем не тот мальчик, что приехал к леди Изабелле и так ее напугал, заявив, что он – незаконнорожденный сын ее мужа! Ха-ха!..

Я улыбнулся.

– Как видите, леди Бабетта... или все-таки Элмариэль?.. эта шутка имела продолжение.

– Вы неподражаемы, граф, – заявила она.

– Спасибо.

– Или лучше майордом, как вас называют?

Я отмахнулся.

– Что титулы... Так минует слава мира. Я и графом побыл недолго. Хотя, конечно, в Брабанте я все еще граф.

Она прошептала игриво:

– Как вам это удается?

– Мало пью, – сообщил я, – редко по женским постелям прыгаю. Вот и остается время, чтобы коварные планы воплощать.

– Ах, – воскликнула она жарко, – так вы еще девственник?

– Ага, – согласился я, – только в ваши коварные руки не попаду, леди Бабетта и продолжу... целибатство. Или Элмариэль?

Она проигнорировала вопрос, на губах двусмысленная улыбка, в глазах смех, поинтересовалась в свою очередь:

– Как вам удалось набрать столько войск в герцогстве?

Я спросил в свою очередь:

– Так все-таки с какой целью вы оказались в расположении моих войск?.. Кстати, леди Элмариэль, ладно уж, вас отвлекает эта ляжка, что зацепилась за что-то, хотя кожа у вас гладкая и шелковистая даже с виду... спустите ее сами! Вообще можете сбросить платье, если мешает. В смысле, разговаривать вам мешает. Уверяю вас, мне оно ни разговаривать, ни мыслить... вообще ничему не мешает. Совсем.

Глаза ее округлились, я говорю настолько спокойно и серьезно, что лишь пару мгновений всматривалась в мое лицо, затем принужденно улыбнулась.

– Вы такой неотвлекаемый?

– Кто любил, – ответил я, – уж тот любить не может, кто сгорел – того не подожжешь. Итак?

Она воскликнула обиженно:

– Ах, сэра Ричард! Везде видите подвох, а я вами просто очарована... разве не естественно желание женщины затащить в постель понравившегося мужчину? Были бы вы старый и уродливый, меня можно бы заподозрить, да, в чем-то корыстном! Но вы посмотрите в зеркало! Посмотрите, посмотрите, вон слева от вас прямо в стене!

Я не стал поворачивать голову, с леди Бабеттой надо быть настороже, смотрел на нее в упор.

– Леди Элмариэль, – произнес я холодно, – я выказываю вам высшую степень уважения, предпочитая разговор с вами барахтанью и сопению в постели. Для этого существуют женщины попроще.

Она чарующе улыбнулась.

– Ах, милый Ричард, одно другому не мешает! Я вами очарована, как молодым и красивым мужчиной. При чем тут ваша роль в этом вторжении? Нам, женщинам, все эти сражения совсем неинтересны!

– Что вам понадобилось вызнать в моем лагере? – задал я встречный вопрос. – Или не только вызнать, но и совершить диверсию?

– Дорогой Ричард, – произнесла она с упреком, – это не я оказалась! Это вы захватили Геннегау так быстро, что я не успела упорхнуть...

– Успели бы, – сказал я, – если бы захотели. Да-да, леди Элмариэль, что-то мне подсказывает, что успели бы. Но вы как раз и прибыли сюда, чтобы оказаться на захваченной территории.

Она лукаво улыбалась.

– Сэр Ричард, это ваши домыслы.

– Сейчас военное время, – напомнил я. – Адвокаты и суды упразднены. Все решают полевые командиры на месте. Домыслы или нет – решают те, у кого в руках меч длиннее.

Улыбка ее начала медленно застывать, в глазах появилось нечто похожее на легкую тревогу.

– Сэр Ричард, вы говорите так серьезно...

– Время куртуазности миновало, – ответил я в самом деле очень серьезно. – На мне весь этот поход, у меня мало опыта, и я боюсь совершить ошибку. Потому лучше повешу вас... так, на всякий случай, чем рискну отпустить. Вы на Кейдана работаете?

Она сказала неопределенным тоном:

– Он король, на него все работают... в той или иной мере.

Глава 8

Я взял ее за руку и почти дотащил до ворот. Она шла, принужденно улыбаясь, лямки платья уже на месте, хотя я все время почему-то чувствовал, что она под платьем совершенно голая. Вот про герцогиню и мысли такой нет, хотя тоже голая, а вот эту прямо вижу, какая она там под платьем...

Привратник поспешно распахнул ворота. По ту сторону нас дожидается целый отряд, сам сэр Норберт во главе. Он моментально послал ко мне взмахом руки нескольких человек.

Я сказал отрывисто:

– Спасибо за оперативность, сэр Норберт! Эту женщину взять и определить в самую надежно охраняемую комнату. К ней никого не допускать!.. Не разговаривать. Не отвечать.

Леди Бабетта, быстро бледнея, вскрикнула:

– Сэр Ричард, это жестоко!.. Хорошо-хорошо, я вам по старой дружбе все расскажу.

Я кивком отослал людей, даже сэр Норберт отъехал, повернулся к немножко напуганной женщине.

– Ну? Только коротко, я теперь обременен войском.

– Большим войском, – согласилась она лгливо. – Очень большим... Даже и непонятно... Так вот, сэр Ричард, вы правы, Его Величество король Кейдан попросил меня выехать навстречу вашим наступающим войскам и постараться разузнать побольше, что это за странность, почему именно так и чего можно ожидать.

Я спросил отрывисто:

– Вы и раньше выполняли такие поручения?

Она на крохотный миг замаялась.

– Ну... вы теперь догадаетесь, что и у герцога Готфрида я появилась тоже не случайно. Его Величество был обеспокоен растущей изоляцией Брабанта. По его просьбе я выехала туда и выяснила, что там все в шатком равновесии. Стоит приложить малейшее усилие... Мы предприняли некоторые... действия, и все случилось бы по нашей задумке, но очень некстати появились вы... или кстати, смотря с какой стороны смотреть. Планы Его Величества были сорваны.

– Значит, – проговорил я в задумчивости, – обыкновенная шпионка... Да и знатная ли вы дама? Или из самых низов?

Она выдавила бледную улыбку.

– В самом деле, сэр Ричард. Правда-правда. Я не очень этим горжусь, но могу и прихвастнуть при случае: моя родословная насчитывает десятки знатнейших предков! Но мне очень уж скучно было играть роль одной из кукол при дворе Его Величества. И мне нашли более интересное для меня занятие... Осуждаете, сэр Ричард? Вы ведь суровый паладин...

Я промолчал. Не помню, говорил ли при ней, что я паладин, или же как-то узнала из других источников, да это и неважно. Штучка еще та... Правда, помню страну, где женщины не только шпионили, но даже в боевых действиях весьма активно, да. Сперва как медсестры, и то было неслыханно, впервые появились в Крымской войне, а потом, по мере того, как самцы спивались и слабели, женщинам пришлось научиться стрелять, рубить, бить ногой в челюсть, освобождать захваченных в заложники мужчин...

– Ну что же молчите, сэр Ричард? – продолжала она шаловливо, но плечиком не шевельнула, хотя лямка снова на самом краю, вот-вот сползет.

– Да вот думаю, – сказал я, – что с вами делать.

– Вы, такой мужчина, и не знаете?

– Еще не решил, – сказал я. – То ли повесить, как шпионку, то ли утопить...

Она предложила:

– А может быть, просто зверски изнасиловать?

Я уточнил любезно:

– В смысле, отдать солдатам?

Она вздрогнула, побледнела.

– Сэр Ричард, вы так жестоко шутите...

– Какие шутки, – ответил я почти искренне. – Я же не знаю, что именно вы успели выведать. Потому на всякий случай благоразумнее вас удавить прямо сейчас.

– Если в вашей постели, – сказала она, силясь улыбнуться, – то я... начинаю раздеваться? Или вы сами предпочитаете срывать с меня все-все в порыве страсти?

– Ага, страсти, – бурнул я саркастически.

– Тогда, – сказала она вопросительно, – похоти?

– Леди Элмариэль, – произнес я, – или как вас там... Имя-то, если честно, дурацкое. Слишком высокопарное и слащаво-красивое...

– Это не я придумала, – возразила она живо. – У меня вкус получше! Недаром же я так воспылала к вам.

– Дорогая леди, – сказал я значительно, – я во главе похода, как вы уже догадываетесь, еще и потому, что не волочусь за юбками. И не даю дурить голову так называемому слабому полу. Бабники... они, как понимаете, высоко не летают. Пока что побудете под стражей. А повесить или утопить – решу чуть позже.

Не знаю, как это Македонский с войсками крохотной Македонии сумел покорить всю Грецию, разбить несметные войска Дария, покорить Персию и всю Азию. Мне людей недостает катастрофически. Я с ужасом вижу, как тает мое войско. И даже не в боях, это было бы понятно, но я осторожничал и оставлял гарнизоны в захваченных крепостях, городах и даже особо крупных замках.

Когда я еще в начале похода предупредил барона Альбрехта, что в этих землях он наивный идеалист, если сравнивать с местными, он не поверил, понятно, даже обиделся, так приятно сознавать свою порочность и бесстыдность, но сейчас убеждается при любом контакте с местными, что он овечка и девственник. И потому, не дожидаясь моих указаний, усилил охрану лорд-протектора плюс майордома, а сэр Норберт, похоже, получил от него лично какие-то дополнительные возможности в области разведки и сбора сведений.

Уже за полночь я заявил, что падаю с ног и, если не посплю хоть часок, завтра буду вообще ни на что не годен, и удалился в покои, Бобика небрежно чеснул по спине и рухнул на ложе.

– Логирд, – сказал я негромко, – ты меня слышишь?

Пару мгновений ничего не происходило, затем Пес шевельнул ушами и привстал. Из стены медленно выплыл призрак, почти прозрачный. Пооранжевел, когда проплыл мимо светильников, но в тени обрел оттенок неприятной сини.

– Пряма каракатица, – заметил я.

– Что это? – спросил он заинтересованно.

– Ну... такой морской хамелеон... Что такое хамелеон, не спрашивай, ладно?

– Хорошо, – ответил он, – вы меня позвали, или мне почудилось?

– Тебе не послышалось, – заверил я. – Я рад, что у нас получается.

– Проблемы?

Он завис в центре комнаты, лицо красиво и точно вылеплено, теперь уже не рыхлый туман, а цельный мрамор, красивые плечи, медальон на груди ухитряется даже поблескивать, широкая мускулистая грудь, вроде бы даже шире и выпуклее, чем была.

– Нет, – ответил я с неловкостью, – просто проверка слуха. Вдруг у вас, призраков, другой диапазон? Вспомнил, ты говорил, что удалось позвать меня тогда в городе.

– Теперь проще, – ответил он. – Плоть не мешает. Я не могу, конечно, видеть и слышать все в мире, но могу побывать...

– Везде?

Он покачал головой, я подсознательно ожидал, что все смажется при движении, привидения должны бояться сквозняков, однако суровое и значительное лицо некроманта оставалось четким и резким.

– Увы, – сказал он с сожалением, – много мест, куда никак.

– Уже проверил?

– В первую очередь...

– А что не пускает?

Он пожал плечами, и снова движение было абсолютно естественным.

– Некие стены, – сообщил он. – Где неведомая мне магия, где силы святости, где что-то вообще странное... Вас что-то тревожит?

– Да, – ответил я. – Ты некромант, лучше знаешь все эти темноты. Скажи, как получилось, что не этот чертов Террос поглотил меня, а я его? У меня такого и в мыслях не было! Стал бы я всякую гадость...

Логирд снова пожал призрачными плечами, проследил, как это получилось, ответил не сразу, долго морщил лоб и сам старался понять, насколько хорошо морщится:

– Пока точно не скажу... И никто не скажет. Могу только предположить...

– Давай, – пригласил я, – предполагавай.

– Когда Террос, – сказал он, – начинает поглощать жертву, открывается и сам! Грубо говоря, жертва тоже начинает его поглощать хотя бы по капельке. Возможно, у вас, сэр Ричард, были какие-то умения... хотя мне такую дикость даже предположить трудно, пусть даже совсем ничтожные для него, которые темный бог поглотить не смог... Старался, но не смог. Или что-то в вас такое, что оказалось ему не по силам. А вот вы смогли.

– Глупости, – пробормотал я.

Он окутался легкой дымкой, исчез на миг, а когда появился снова, мне показалось, что синеватая дымка стала серой.

– У меня другого объяснения нет, – сказал он. – Или какие-то знания...

– Глупости, – повторил я уже не так уверенно.

Впрочем, со дня рождения я жил в мире, где информацией можно захлебнуться. Там за час я видел больше, чем здесь за всю жизнь. Даже когда просто топаешь по своим делам, со всех сторон световая реклама, вывески, масса людей, мигающий светофор, что еще и попискивает для слепых, рядом по шоссе проносятся тысячи разнообразнейших машин, в нагрудном кармане задержался мобильник, ага, эсэмэска, электронные часы на стене напротив и на запястье, на ухе блютузная прищепка, интересный фонтан, дай сфоткаю... сразу брошу по инету на свой комп, а то и перекину Валюшке...

А с даром предков Валленштейна помнить все-все, этим мусором информации могу угробить и десять таких темных. Пусть проглотит и усвоит умение отправлять эсэмэски из метро! А вот то, что знает он, для меня куда объяснимее.

Логирд очень внимательно наблюдал за моим лицом. Что-то понял, во всяком случае, ничего больше не сказал, да и я не стал ничего уточнять.

– Я ничего не знаю о возможностях Терроса, – признался он, – и даже не знаю, можно ли ими пользоваться... человеку? Или для этого нужно стать... им? Но если вам удастся освоить хотя бы часть, доступную существу из плоти...

– И что?

– Я просто не знаю, – сказал он. – Просто не знаю.

Я пробормотал:

– Я тоже не знаю... Ты сам видишь, знание – сила. Молодые и здоровые дурни гибнут, как мухи, а у магов даже старичье выживает среди сплошной резни. Ты хоть еще в цвете лет, а я знал одного старого пердуна, песок сыпался, точно вроде бы погиб при захвате замка, хоть никто его мертвым и не видел, а потом я встретил живехонького и крепенького у той же хозяйки и за тем же занятием! Будто ничего и не случилось. Как с гуся вода.

Логирд пробормотал польщенно:

– Ваша светлость, вы с такими опасными мыслями вообще договоритесь непонятно до чего! До полезности образования, например, или до необходимости грамотности.

Я огрызнулся:

– Ладно, умник! Не отвлекай.

Я сосредоточился, положил руку на стол и вперил в нее бараний взгляд. Долгое время ничего не происходило, я напрягался, кряхтел, грозно шевелил ушами и складками на лбу, вроде бы палец защипало, стало горячо, кожа на миг затвердела, но тут же все вернулось к норме.

Я сказал с раздражением:

– Это ты сопишь, отвлекаешь!..

– Я?

– Или топаешь, – обвинил я. – И вообще... Топающее привидение – это отвратительно!

– Сэр Ричард, – ответил он с достоинством, – я не привидение!

– А кто?

– Призрак.

– Ух ты... здорово... Не знал. А что, есть разница?

Он проигнорировал детский выпад, сказал успокаивающе:

– Сэр Ричард, не переживайте, у вас получилось. У меня глаз наметанный... Это вы увидели только ороговевший палец, я же заметил больше. Да, это значит, что сумеете трансформироваться в нечто крупное, мохнатое, и у вас вполне могут быть крылья... Вы о таком мечтали?

Я посмотрел на него ошарашенно.

– Что, правда?..

– Я говорю серьезно, – ответил он. – Признаться, я сам не ожидал, что станете так быстро проникать в умения Терроса.

Я проговорил тихо:

– Вообще-то да, я до сих пор помню это ощущение... Признаюсь, Логирд, некромант из меня хреновый, но я провел ночь с вампиршей и на всю жизнь запомнил ощущение, когда она в огромную мохнатую... нет, не птицу, а что-то вроде летучей мыши, а я у нее на спине, обхватив ее и жадно шупая там, где у нее никакой шерсти... Этот сладострастный полет в ночи, когда в небе полная луна, а внизу серебряный свет, это падение всего святого во мне...

На его лице оставалось выражение сильнейшего изумления, но заговорил достаточно деловито:

– Тогда понятно. Вас потрянуло, вы сохранили это сладостно-позорное... гм... ощущение. Вам нетрудно его вызвать снова. Нет-нет, повторять не нужно! Только представить. Сэр Ричард, только не говорите, что никогда не вспоминаете. Такие картинки сами возникают жаркими ночами.

Глава 9

Сердце колотится, как у зайца. Я вообще-то странная смесь отчаянного труса, который всего боится и который хотел бы оставаться в стороне от всех неприятностей, но, когда неприятности приходят, еще больше боится «потерять лицо». Может быть, встретиться один на один в лесу с волком, я не раздумывая бросился бы бежать, но на людях буду красиво и презрительно улыбаться, даже сам брошусь на него первым, чтобы показать себя, да...

Но сейчас в комнате никого, глухая ночь, я плотно задернул шторы и встал так, чтобы мой силуэт ни в коем случае не увидели со двора. Логирд вышел из стены, я сказал, что готов, он начал подсказывать, как должен вызвать в памяти все те стыдные ощущения, что я испытал, вцепившись в мягкую и мохнатую плоть, вжиться в них, представить поярче, вообразить, что это ты и есть...

Я закрыл глаза и старательно вспоминал, воображал, довоображался до вообще непристойности, в этот момент и ощутил сильнейший толчок, а Логирд охнул то ли испуганно, то ли восторженно. Я не поднимал веки, продолжая держаться за сладостную картинку, развивая ее во всей гнусности, в теле жар и непонятная дрожь, но непристойности перед внутренним взором разгораются ярче и слаше...

– Получилось! – услышал я голос Логирда.

Я хотел ответить, но услышал скрежещущий звук. Я открыл глаза, помещение почему-то меньше в размерах, хотя и намного ярче, а за гранью красного еще один цвет... Когда я посмотрел на свои ноги, сердце застучало еще чаще, хотя и с сердцем что-то не так... ах да, их два, если не больше...

– Вон зеркало! – прокричал Логирд восторженно.

Я повернулся, по телу пробежала крупная дрожь. Поместилась только нижняя половина туловища, но этого хватило, чтобы сделать зайкой. Огромный крылатый зверь, помесь птеродактиля с летучей мышью, черная шерсть с головы до пят, острые когти на передних лапах, да и на задних, чересчур коротких...

– Хорошо, – сказал Логирд. – Хорошо. А теперь обратно!

Я все всматривался в себя, веря и не веря, что удалось вот так просто трансформироваться. Ну, пусть не совсем просто, попотеть пришлось, но все-таки...

– Довольно! – сказал Логирд настойчиво. – Летать здесь негде! И кроме того... Это может быть опасно. Хватит, сэри Ричард! Обратно. Обратно!

А вот хрен тебе, стучало у меня в голове. Окна – да, слишком узкие, но кто меня остановит, если рвануться через двери, пронестись по залам, сбивая всех с ног, а затем выпрыгнуть из дворца и – в воздух?

– Довольно! – прокричал Логирд. – Сэри Ричард, вы сейчас погибнете!.. Вы уже начали...

Я невероятным усилием преодолел жажду открытого пространства, закрыл глаза и начал наговаривать себе слова, что я – паладин, что бабников не уважают, извращенцев... тем более, мужчины как раз те, кто может переступить через вопли спинного мозга, да здравствует воля, натиск, дранг нахт вэст...

Жар начал стихать, молоточки в черепе затихли. Подо мной холодный гладкий пол в клочьях разорванной одежды. Сам я распластался, как большая злобная ящерица, кого бы хватить пастью... но пасти уже нет, только морда, а это значит, я человек...

Поднялся на четвереньки, в зеркале на стене напротив воздел себя все еще неуверенно, будто только что слез с дерева. Тело зудит и чешется, словно по нему прошли крапивой.

Логирд пронесся вокруг со скоростью смерча, я спросил хриплым каркающим голосом:

– Ну как?

– Фу, – вскрикнул он, – как меня трясло!..

– Опасно?

– Еще как, – заверил он.

– Звериность могла взять верх?

– Точно, – подтвердил он. – Нельзя так сразу! Вы рисковали остаться в этом прекрасном облике... с точки зрения некроманта, конечно. Слишком быстро, сэр Ричард! Слишком быстро.

Он покрутился вокруг, изображая свирепое торнадо, оглядел еще раз со всех сторон. Я согнул и разогнул руки, пару раз присел, все работает.

– Нельзя так сразу, – повторил он с великим облегчением. – Зверь в человеке силен! Он и так часто подминает, а если еще помочь магией... Зверю, я имею в виду!

– Зверю все помогают, – буркнул я. – Так уж у нас заведено. Потому и создана инквизиция, чтобы помогателей стало меньше. Услышал бы тебя отец Дитрих! Предложил бы стать инквизитором.

– Фу, я лучше головой о стену.

– Особенно сейчас, привиденьевой. Или призраковой. Ладно, я, типа, понял...

Он отодвинулся, оглядел так и эдак, словно фотограф на свадьбе, сказал со вздохом:

– Боюсь вам это говорить...

– Ну-ну!

– Однако, – сказал он нехотя, – у вас слишком много молодой энергии и мало дисциплины ума. Это лучше всего указывает на то, что вы, сэр Ричард, очень молоды, хотя иногда кажется умудренным старцем в теле юноши.

Я сказал требовательно:

– Говори, что хотел сказать, а не юли!

Он снова вздохнул.

– То, что вы сделали, сэр Ричард... примитивно. Это каждый оборотень делает легко и просто. Даже я умел трансформироваться на уровень выше, хотя прибегал... редко. Словом, в следующий раз попробуем...

Он замялся, я спросил с подозрением:

– Что?

– Повысим уровень комфорта, – ответил он непонятно. – Это нехорошо, когда верховный лорд рвет штаны, как начинающий оборотень...

Я спросил неверяще:

– Можно будет вместе с ними?

Он усмехнулся, это было удивительно, как быстро Логирд освоил призрачную оболочку, ни один из призраков, которых я встречал, не мог двигать мышцами лица.

Заметив мое изумление, он произнес довольноно:

– Сэр Ричард, это сложнейшая проблема, но возникала перед всеми оборотнями высшего ранга... возникала постоянно, при каждом перевоплощении. Потому, как понимаете, над нею бились лучшие умы. Над ее решением.

– И как?

– Однажды решили, – ответил он. – Сперва этим заклинанием пользовался лишь магистр Целегаст Великий, потом ученикам удалось упростить так, что смогли уже с десятков... словом, за века неустанных поисков сумели сделать приемлемым для большинства магов среднего класса.

Я сказал тоскливо, но с жадной надеждой, что меня переубедят:

– Я не маг, я черт-те что...

– Даже хуже, – согласился Логирд. – Намного хуже!

– Что может быть хуже?

Он развел призрачными руками.

– Ученик чародея. Слышали про умника, которому чародей велел наносить воды, а тот решил использовать заклинание?.. Вот-вот. Я заклинание не помню, всего раз пользовался, да и то по книге... Довольно сложное и длинное, но упрощать дальше некуда, увы. И так упрощали до отказа, чтобы сделать доступным рядовым некромантам.

– Массовый продукт должен быть прост, – согласился я. – Я постараюсь запомнить, Логирд! Ты только отыщи, хорошо?

– Подберу, – сказал он. – Но сами пока ничего не пробуйте, сэра Ричард! В мире одним чудовищем станет больше – это стерпим, но сэра Ричард исчезнет. Навсегда. Мелочь, конечно, но все же как-то жалко. Я люблю опыты над рептилиями.

– А сейчас ничего не придумал? – спросил я азартно.

Он повернулся лицом к окну.

– Посмотрите.

Луна по ту сторону железных решеток поблекла, а звезды в наступающем рассвете исчезли вовсе. Над горизонтом одинокое серое облачко вспыхнуло желтым огнем и сразу потяжелело, словно утреннее солнышко пропитало его жидким золотом.

Двор еще в тени, но уже доносится тихое позвякивание металла, отряд стражи сменяется другим, едва слышно простучали колеса, резко и гортанно кричат загоняемые во двор овцы.

Я пробормотал:

– Да, петух уже два раза кричал... С третьим исчезнешь?

– Не знаю, – ответил Логирд честно.

– Сам уйдешь?

Он сказал оскорбленно:

– Не проверив?

– Ну да, – согласился я поспешно, – эксперимент – проверка всего на свете. Как думаешь, теперь тебе доступно будет знание, которым обладали Древние?

– К которому я так стремился, – сказал он со вздохом. – Которое так жаждал... Увы, сэра Ричард.

– А что мешает?

Он в чисто человеческом жесте развел призрачными руками.

– Потому что еще не встретил себе подобных. Наверное потому, что сам здесь по случайной случайности! Будь праведником – заспешил бы в рай или что там вместо него, будь признан злостным грешником – утащили бы в ад... Я не знаю, в каком месте погибшие и умершие своей смертью Древние, но пока туда не спешу. Благодаря отцу Дитриху и его священникам мое положение стало весьма... двусмысленным, что меня пока, как ни странно, устраивает.

Я подумал, сказал горько:

– Ну да, понятно. Пообщавшись с Древними, можно было бы узнать, где закопан склад с бомбами... наверное, нас берегут от нашей же дурости. Но все равно обидно... Это другим знать нельзя, а мне можно. Мне все можно!

Он коротко взглянул на меня, но смолчал. Далеко-далеко за королевским садом прокричал петух. Я быстро перевел взгляд на Логирда. Он покачивался в воздухе, опустив руки и совершенно расслабленный, экспериментатор хренов, прислушивается.

– Ничего, – проговорил он бесстрастно после долгой паузы.

– Никаких корчей?

– Корчи у плоти, – напомнил он.

– А раздувает ветром? Или сдувает, смывает...

– Пока не знаю, – ответил он ровно, – но крик петуха – просто крик домашней птицы. Как вон и конское ржание.

– Значит, – сказал я с удовлетворением, – в нечисть ты не зачислен. Тебя, наверное, даже перекрестить можно.

– Лучше не надо, – ответил он поспешно.

Глава 10

Рано утром, когда я отогревал застывшие за ночь мозги горячим кофе, граф Ришар докладывал о положении дел в столице. Из роскошной стены выплыл Логирд и прошелся вдоль, чтобы граф видел его искоса. Когда тот не заметил, очень увлеченный картой, Логирд приблизился еще, заколыхался в воздухе совсем близко от его лица.

– Отец Дитрих желает поставить на площади большой помост, – доложил Ришар.

Я поинтересовался:

– Какой-то общегородской праздник?

– Да, – ответил Ришар. – Намерен сжечь с десятков служителей черных месс.

– Разве их не перебили?

– Самых главных в первый же день, – заверил он с чувством, – но если отец Дитрих желает устроить народу праздник... Хорошо, когда завоеватели делают какой-нибудь заметный жест, чтобы поднять у народа настроение!

– Да, – согласился я, – надо показать массам, что мы на их стороне. Активно боремся с коррупцией и разложением нравов, выстраиваем вертикаль, даем свободы. А так как народу просто некогда разлагаться, удар падет на праздных аристократов...

Он кивнул.

– Мы нашли черномесцев, хоть и помельче. Всегда приятно сделать что-нибудь доброе нашей любвеобильной церкви, если не за наш счет.

– Приведите пожарную охрану, – предупредил я, – расставьте так, чтобы ветром не занесло искры на дома. Пожар будет иметь плохой пропагандистский эффект! Скажут... Ну, вы понимаете, что скажут насчет божьего гнева.

– Хорошо, – ответил он. – Хорошая мысль. Учтем направление ветра и расставим в нужных местах.

Логирд прошел между нами, игнорируя массивный стол, но граф и бровью не повел.

– Позаботьтесь о дровах, – сказал я. – Простите, что нагружаю такими мелочами, но эти борцы за чистоту и нравственность всегда что-то забывают! А потом одни неприятности, если дров не хватит, и кого-то недожгут. Праздник должен быть ничем не омраченным! Организуйте продажу пирожных, пирожков, сладостей, чтобы во время сожжения торговля шла вовсю. Пусть выступят бродячие актеры, но это уже после аутодафе, чтобы не отвлекали от торжественной части...

Граф Ришар морщил лоб, запоминая.

– Сперва торжественная часть, – пробормотал он, – потом концерт... Гм, просто замечательно!

– Стараюсь, – пробормотал я. – Торжественная часть, концерт, расстрел предателей...

Граф покачал головой.

– Нет-нет, люди с моим опытом чувствуют умелых организаторов. Признайтесь, сэр Ричард, вы сами не были великим или даже очень великим инквизитором? Мне можете признаться, я в любом случае на вашей стороне... Можете даже не говорить, за какие грешки вас... ушли. Я могу, конечно, предположить, но не посмею...

– Это лучше, – сказал я сварливо. – Граф, ну почему я не мог просто удачно придумать?

– Уж очень хорошо, – ответил он честно. – И без всяких раздумий, будто по давно проверенному плану. Ладно, не говорите – не надо. Видимо, что-то совсем уж ужасное... Может быть, растлили всех дочерей папы римского и кардиналов?.. Гм, думаю, для вас это мелочь, вы сотворили что-то совсем уж зарамочное... Ладно, сэр Ричард, я возьму организацию этого мероприятия на себя.

– Спасибо, граф! – сказал я. – А в будущем пусть делают по утвержденному образцу.

Логирд за время разговора дважды исчезал, а когда вернулся, потрогал графа за нос, скорчил страшную рожу, но Ричард не замечал и не чувствовал. Логирд торжествующе посмотрел на меня и уплыл в стену. Я невольно проводил его взглядом, граф тут же заметил и сказал с неудовольствием:

– Я вижу, сэра Ричард, ваши мысли от костра на площади далеко. Хорошо, я пошел. Все будет сделано.

– Простите, граф, – заговорил я виновато, – но и на меня свалилось... слишком.

Он сказал от двери с сочувствием:

– Ваша схватка с темным богом не прошла даром.

Я спросил испуганно:

– В смысле?

– Нужно отдохнуть, – посоветовал он, – даже развлечься. Вы ведь получили не только королевский дворец, но и всех королевских фавориток! Плюс тех, кто страстно хочет ими стать.

Я кисло отмахнулся. Едва он исчез, Логирд выскочил из стены, как пробка из шампанского, прошелся вокруг меня волчком.

– Нашел, – сообщил он.

– Заклятие?

– Точно. К сожалению, сэра Ричард, такие заклиния не могут быть одноразовыми.

– Это как?

– Ну, чтобы один раз освоить, а потом сбавывало всегда в данной ситуации. Перед трансформацией из человека в зверя нужно произносить всякий раз заново, а заклинание труднейшее... Даже опытные чародеи тратят недели, а то и месяцы, чтобы выговорить без ошибок...

Я вскрикнул бодро:

– Давай, тащи!

Отворилась дверь, церемониймейстер провозгласил:

– Делегация держателей рудников к его светлости майордому!

Логирд сказал с сарказмом:

– Ваш рабочий день начался, ваша светлость!.. Увидимся вечером. Поздно вечером. Или очень поздно, если будете слишком медленно решать дела.

– Иди-иди, – сказал я с завистью, – творческая личность...

– Теперь творческая, – ответил Логирд.

Куно Крумпфельд то ли патриот Сен-Мари, то ли старается показать свою умелость и работоспособность, чтобы не заменили другим, а может, просто трудоголик. За эти дни ухитрился буквально перевернуть горы и расчистить авгиевы конюшни. Я не поверил, что человек способен перелопатить столько, но в огромном здании теперь только дряхлые старики передвигаются с обычной скоростью, а все остальные бегают, словно за ними гоняются злые собаки, и носятся именно по делу, а не просто имитируют бурную деятельность.

Сбежавшие служащие заменены, доложил он, все службы во дворце функционируют снова. Сейчас он подбирает и немедленно направляет в провинции новых управителей на свободные должности. Возобновлена доставка продуктов не только в центральную часть города, но и на базары, где горожане могут пополнить запасы. От моего имени велено торговым людям открыть лавки. Постоялые дворы и гостиницы обязаны работать круглосуточно, только вот городская стража еще не скоро выйдет на улицы, ее еще набрать нужно.

– Хорошо, – сказал я, чтобы не говорить, что все отлично, – хорошо... Я доволен вашей работой. Со стражей пока терпимо, мои воины попутно и ворье распугивают. А охрану наберете новую, не спеша.

– Спасибо за понимание, ваша светлость.

– Все хорошо, – повторил я. – Кстати, у меня к вам личная просьба.

Он торопливо поклонился.

– Приказывайте!

Я великодушно отмахнулся.

– Нет, это в самом деле просьба. Личная. Вы сумеете подобрать из своих людей, которых знаете как облупленных, толкового и работоспособного... который подошел бы управляющим на мои земли? Я имею в виду те, которые мне принадлежат по праву личной собственности?

Он замер, мгновенно прокручивая в голове миллионы вариантов, спросил осторожно:

– А чем там предстоит заниматься?

– Управлением, – вздохнул я. – И, конечно, подобрать штат управителей помельче. Дело в том, что мои земли разбросаны... увы, даже по разным королевствам. В королевстве Шателлен мне принадлежит приличный участок земли с богатыми рудниками Херфста, в Армландии просто замки с деревнями и хорошей плодородной землей, еще три замка с богатыми владениями в Амальфи, а в здешнем королевстве в городе Тарасконе на моей земле строится большой морской порт... Дело не только в том, что не получаю никакого дохода, но... гм... я бы хотел, чтобы жизнь там кипела.

– А как там сейчас?

Я сказал откровенно:

– Даже и не знаю. Думаю, как и везде. Но я хочу, чтобы было лучше!

Он кивнул с осторожностью.

– Да, ваше положение обязывает.

– Вот-вот, – сказал я. – Я как тот олигарх, нахапал от великой жадности все, что можно хапнуть... другие ж хапают!.. а потом начинаю думать, что с хапнутым делать. Но даже вспомнить об этом некогда!

Он сказал осторожно:

– Но те земли, которые вы назвали... там несколько иные законы?

– Законы надо соблюдать, – согласился я. – В том смысле, что платить налоги. Но какие применять экономические методы, как построить оплату и стимулировать потогонную систему – это все решает управляющий.

В его оловянных глазах начал разгораться огонек.

– Значит ли это...

Он запнулся в нерешительности. Я досказал:

– Да, соседей можно обдирать как липку. Без жалости. Они проиграют с их неуклюжей и ограничивающей самостоятельность ремесленников системой. Там вообще нет гильдий, цеховых объединений. Представляете? Дикари-с! Мои северные земли могут стать самыми богатыми, если туда направить умелых управляющих.

Он смотрел неотрывно, уже как пес, все больше проникаясь ко мне уважением, даже почтением. Я вскинул брови, мол, где же ответ, он сказал поспешно:

– Я все сделаю! Сегодня же подберу нужных людей. Одного вам будет мало, ваша светлость.

– А что предлагаешь?

– В каждую, – сказал он, – нужно хотя бы по одному человеку. А лучше – по два-три.

– Только не в ущерб королевству, – предупредил я.

Он посмотрел внимательно, в самом ли деле я сказал это для исполнения или же просто громко и вслух, чтобы слышали. Я выдвинул нижнюю челюсть и тоже взглядом дал понять, что раз уж государство – это я, то это и мои интересы.

– Я все понимаю, ваша светлость.

Тон его и улыбочка не понравились, слишком многозначительные, я спросил резко:

– Что именно понимаешь?

– Королевство тоже ваше, – обронил он с поклоном.

Вот гад, мелькнула мысль, но вслух сказал уже мирно, только ворчливо:

– Не хотелось бы, чтобы меня обвинили в превышении служебных полномочий и чрезмерном и немотивированном... да...

Похоже, хотя он таких слов не слыхивал, смысл все-таки поймал на лету, как Бобик ловит кусок мяса. Я смотрел с интересом, как меняется его лицо, приспособляясь к полету моей великолепной и местами просто гениальной мысли.

– Королевство не обеднеет, – произнес он нейтрально, – здесь таких немало. Уж не гневайтесь.

– Зато здесь меньше рыцарей, – сказал я высокопарно.

Глава 11

Если порыться в истории, где образовывалось майордомство, у законных королей оставалось разве что небольшое поместье с крохотным доходом. Если королю куда-то ехать, ему подавали простую повозку, запряженную волами. Все верно: у меровингов деревянная телега, упряжка волов и длинные волосы королей считались священными атрибутами власти, но вся полнота власти сосредотачивалась в руках майордомов.

То есть короля Кейдана осталось только дожать. Уже повержен, чуть-чуть – и лопатки упрутся в пол...

Дворецкий вошел без стука, ему можно, он не человек, а что-то вроде говорящей мебели, произнес в пространство:

– По вашему повелению узница доставлена.

– Ввести, – велел я.

Дверь широко распахнулась, через порог шагнула улыбающаяся леди Бабетта.

– Ах, милый сэр Ричард! – воскликнула она с энтузиазмом. – Я так и знала, что вы расположитесь в покоях Его Величества!

– Странно было бы, – буркнул я, – если бы взял что-то проще. Мне все равно, но пошли бы слухи... А так я тут что-то побил, где-то плюнул, порвал занавеску, высморкался в скатерть, и теперь все видят, что чувствую себя хозяином, других в свой огород не допущу.

Она звонко расхохоталась.

– Тогда как понять, что меня поселили в покои королевы?

Я нахмурился.

– Это была случайность. Я просто распорядился, чтобы вам была представлена комната... подходящая вам.

Она подошла и так быстро чмокнула меня в щеку, что я не успел отодвинуться.

– Спасибо, сэр Ричард! Мне такого волшебного комплимента еще никто не делал.

Тонкий и очень изысканный запах духов остался, словно ее губы все еще на моей щеке. Бабетта смотрит смеющимися глазами, стерва, все понимает, это та игра, в которой у нее все козыри, знает все тонкости, натренирована, идет от победы к победе, а я всего лишь самец с предсказуемыми реакциями.

– Прошу присесть, леди Бабетта, – сказал я и указал на кресло, – у меня к вам несколько вопросов. Как я понимаю, вы не замужем, потому никто о вашем отсутствии беспокоиться не будет.

Она объяснила очень серьезно:

– Когда женщина выходит замуж, она меняет внимание многих на невнимание одного. А мне нравится мужское внимание! Я прямо расцветаю, когда на меня смотрят... ну, вы понимаете, как смотрят.

– Понимаю, – буркнул я.

Она вздохнула.

– Ах, когда же вы так посмотрите... Что для этого надо сделать?

– Не знаю, – ответил я честно и заметил, что она увидела мою искренность, – знаю только, что стандартный набор со мной не пройдет. Во всяком случае, уверен. Вот такой я замечательный и уникальный. С причудами. Вообще я считаю, да и вы это знаете, что основное оружие женщины, которым завоевывает любого мужчину, – смотреть на него с восторгом и поддакивать.

Она сказала заинтересованно:

– Дальше...

– Но со мной это не работает, – пояснил я. – Слишком простые методы, а я же майордом, я вон на королевской кровати в сапогах валяюсь!

– Могу снять, – предложила она. – Поваляемся вместе. Представьте себе: в королевской постели! Наверное, особенные ощущения.

– Кто-то говорил, – буркнул я, – что это я романтичен. С чего ощущения особенные? Кровать как кровать. Леди Бабетта, не увиливайте. Вы знаете, что меня интересует. Ваша роль и ваше место во всей этой истории – раз, ваше задание – два, явки и пароли – три.

Она спросила с любопытством:

– Явки и пароли? Что это?

Я отмахнулся.

– Вижу-вижу, ваше шпионское агентство пока еще на низком уровне. Но, понимаю, вред нанести может. Вы ведь, как подсказывает мне спинной мозг, сборщик информации, компромата? Может быть, даже аналитик низшего звена, но не диверсант же с двумя нулями?

Она спросила в удивлении:

– Это как?

– Тоже не знаете? Хорошо-хорошо... В смысле, хорошо иметь дело с такими дикарями. Значит, вы собирали данные о лидерах вторжения? Об их слабостях, уязвимых местах?

– Сэр Ричард, – переспросила она, – почему вы думаете так?

– Потому что о войсках и так все ясно, – ответил я. – К тому же почти все королевство захвачено, отыграть в прямом столкновении не получится. А вот попробовать расшатывать нас изнутри, сеять недоверие, раздоры, вбивать клинья... А скажите, леди Бабетта, почему со стороны королевских войск так и не применили ничего магического? Ни против варваров, ни против нас?.. Все-таки при короле маги нехилые...

Она улыбалась и смотрела обезоруживающим взглядом чистой невинности.

– Как только маг перестает нуждаться в покровителе, – ответила она, – он его покидает.

– И куда девается?

Она пожала плечиками, сдвинув лямку ниже.

– У них свой мир, свои проблемы, свои войны, свой дележ...

– Чего?

Она снова пожала плечиками.

– Откуда мне знать? Говорят, перед старшими магами открывается такая дорога к власти и наслаждениям, что просто брезгают оглядываться на наш мир. Не знаю, насколько это правда, люди выдумывать любят, но это объясняет, почему такие маги не захватывают власть в королевствах.

– Возможно, – предположил я, – между магами существует договоренность не лезть в дела королевств. А нарушителя карают совместно. Так, часть ваших заданий ясна... И даже примерно понятно, где вы прилагаете наибольшие усилия... гм... Я бы сказал вам, почему у вас это не получится, но не поверите.

Она спросила заинтересованно:

– Почему? Конечно, я спрашиваю чисто из любопытства...

– Вы не были по ту сторону Хребта, – сказал я.

Она хитро сощурилась.

– Откуда вы знаете?

– Теперь знаю, – ответил я, – вы сами сказали.

– Я?

– Точно-точно, – ответил я и ухмыльнулся, – признания получают не только под пытками, леди Бабетта!.. Более того, под пытками как раз проще лгать.

– Женщина, – заверила она с живостью, – может сохранить лишь ту тайну, которой не знает. Сэр Ричард, кто бы мне доверил какие секреты?

Я сказал хмуро:

– А вы точно женщина?

Она кокетливо повела плечиком.

– А вы проверьте, сэра Ричард! Я уже томлюсь в неге сладкой.

Я покачал головой.

– Там, в Брабанте, вы вроде бы мне отказали.

Она ахнула:

– Я? Да не может быть!.. Вам? Сэр Ричард, не шутите так жестоко! Или это была у нас такая игра? Если я вам и отказала, то не наотрез же... Сэр Ричард, вы вот так и поверили женщине? Нам нельзя верить, даже если говорим чистую правду!

Я сжал челюсти. Она играет глазками, двигает плечиком, ляжка в самом деле сползла и скользнула вниз по атласной коже, обнажая грудь. Я невольно засмотрелся, но ткань снова умело зацепилась за отвердевший кончик. Бабетта, словно не замечая, влюбленно смотрит мне в глаза, но я чувствую, как веселится, для нее такая игра круче секса, а со мной еще интереснее, такого упрямого самца еще не встречала, ишь, принципы, и хотя, конечно же, поддастся, но на неких своих условиях...

– Постоянство в любви, – сказала она неожиданно рассудительно, – это лень сердца. Надеюсь, вы не один из безнадежных влюбленных в некую даму?

– Уже нет, – ответил я.

Она умолкла, потом сказала с сочувствием:

– Ах, сэра Ричард, простите! Я не думала, что коснусь раны.

– Ничего, – ответил я с горечью. – Уже зажило. Я такая скотина, все на мне заживает быстро. Даже шрамы рассасываются.

– Но все равно, – сказала она горячо, – у того, кто любил, а потом разлюбил... или его разлюбили, остается больше, чем у того, кто не любил вовсе... Ах, сэра Ричард, ну как я могла подумать, что тот скромный и местами даже застенчивый молодой рыцарь, который въехал в крепость герцога Готфрида и назвался его незаконнорожденным сыном, станет таким великим завоевателем?

– Что-то изменилось бы? – спросил я.

По ее глазам видел, что да, многое бы изменилось, но она сладко улыбнулась и еще слаще промурлыкала:

– Наверное, постаралась бы настойчивее тащить вас в постель. Понимая, что потом у вас времени будет все меньше и меньше.

Она вскинула руки исконно женским жестом, поднимая волосы на затылке. Почему-то это движение в самом деле красиво, признаю, хоть и не понимаю, повертелась перед зеркалом, рассматривая себя так и эдак, а я во все глаза рассматривал ее, копию Мерилин Монро, женственную и сладкую, но в то же время сильную и волевою, что идет по жизни так, как считает нужным, и если мораль в чем-то против, то тем хуже для морали.

Я поднялся и церемонно поклонился.

– Леди Бабетта, беседа с вами доставила мне удовольствие.

Она покачала головой.

– Ох, сэра Ричард! Когда мужчина говорит, что женщина доставила ему удовольствие, он не имеет в виду беседу.

Двери распахнулись, стражи перешагнули порог, гремя железом. Бабетта пошла к выходу, но там оглянулась, в ее взгляде я прочел, что потерял, дурак, какую-то возможность.

Дверь захлопнулась, а я все думал, что же я потерял, на этот раз Бабетта намекала явно не на постель.

Велико ли, мало ли зло, его не надо делать. Но если оно на пользу Отечеству, а Отечество у нас переносное, оно в наших знаменах, то это уже и не зло, потому что зло бывает только в отношениях между людьми, а между народами называется иначе.

Я формулировал для себя эту мораль политика и общественного деятеля, когда из стены появился Логирд.

– Готовы, сэра Ричард?

– Давно, – ответил я сварливо. – Последний посетитель ушел еще полчаса назад! Зря время теряем!

– Она ушла пять минут тому, – смиренно напомнил Логирд, – но это неважно, я принес формулу заклатья. Длинновата, но уж постарайтесь выучить... Кстати, сможете усвоить еще один прием. Я могу... мог зеркально отражать магическую атаку... Вам это не очень понравится...

– Почему?

– Защитная магия, – пробормотал он, – а вы свирепый боец наступательного типа, честь и слава, все вперед, мечи наголо... Вам, скорее всего, это и не надо, позорит достоинство неустранимого...

– Я что, дурак? – спросил я. – Давай! Все давай. И побольше. Когда пойду в миротворцы, и защитная магия понадобится.

Он спросил с удивлением:

– Разве вы уже не миротворец, как я слышан?

– Вообще-то да, – согласился я. – Миротворю, так миротворю.

– А что не домиротворите, – сказал он недобро, – отец Дитрих с его кострами окончательно умиротворит... Как вы с ним хорошо говорите о высокой культуре и духовности! И о неотвратимой поступи цивилизации... Так и чувствую, что камня на камне после вас...

– Чтобы строить новое, – сказал я с усилием, – нужно расчистить стройплощадку. Ты мне зубы не заговаривай высокой культурой и цивилизацией, мне свои личные интересы общечеловека важнее. Говори, как превращаться туда-сюда, чтобы штаны не рвать?

– Придется выучить очень длинное и сложное заклятие, – повторил он с сомнением. – Это чтобы помимо простой трансформации, которой вы так рады, подключилась еще и магия. И сказать нужно быстро и без запинки, не перевирая ни единого звука, слога или даже интонации. Потом, правда, достаточно будет одного слова.

– Понятно, – сказал я бодро, – кодовое слово, это мы проходили.

– В магической школе? – спросил он с уважением. – Не думаю, что вы были усердным учеником, уж простите.

– Да, – согласился я, – усердных у нас называют ботаниками. Хотя именно ботаники потом меняют мир, а крутые им коней чистят. Так какое заклятие?

Он произнес с легкой запинкой:

– Хорошо, я буду давать по одному слогу.

– Не умеешь выговорить сразу два?

Он криво улыбнулся, но одна половинка лица отодвинулась почти на локоть.

– Могу и по три.

– Давай целиком, – предложил я.

Он усмехнулся, я следил за его губами, как он произносит длиннейшее заклятие. Если бы инфаркт лупил и призраков, Логирд наверняка бы получил по всей программе, когда я, как попугай, повторил все, разве что с другой интонацией.

– Как? – вскричал он. – Это... это невозможно!

– Для человека нет ничего невозможного, – сказал я гордо. – Я даже на добрые дела способен... наверное. Ну что теперь?

Он в великом изумлении покачал головой.

– Хорошо, теперь учитесь произносить правильно. А затем... да, вы сказали хорошо: кодовое слово. Лучше, короткое, чтобы сразу. Но достаточно редкое, чтобы вдруг не произнести нечаянно.

– У нас есть такие, – сказал я гордо, – даже во сне не услышите. Говорить нужно громко?

– Можно про себя, – сказал он. – Но отчетливо.

– Жди здесь, – велел я, – сейчас вернусь.

Прислушиваясь к каждому шороху, я вышел в коридор, что не коридор, а целая анфилада залов. Стражи выпрямились и бодро стукнули дровками копий в мраморный пол. Я посмотрел по сторонам, везде по два человека, лучшие и проверенные, все армландцы.

– Когда вы меняетесь? – спросил я.

Один ответил суровым мужественным голосом:

– Через каждые три часа! Совсем здесь балуют, ваша светлость.

– Зато заснуть не успеете, – сказал я строго. – Бдите! Никого ко мне не пускать, поняли? Пусть даже дворец начнет рушиться. Я и сам услышу, если что где и как. Запомнили?

Второй страж ответил с фамильярностью старого солдата, что прошел со мной еще войны за установление моей власти в Армландии:

– Вам надо поспать, ваша светлость! Ишь, с утра до вечера к вам пруть и пруть. Никого не пустим, не сумлевайтесь.

Я кивнул и плотно закрыл дверь. Логирд наблюдал с одобрением, как я вытащил из шкафа загодя приготовленную цепь, а когда половинки кольца сомкнулись на моей ноге и я завинчивал скрепляющий их болт, сказал с непонятной интонацией:

– Интересно наблюдать, как в вас борется страсть молодого и пылкого с рассудочностью мудрого и много пережившего... Кто вы, сэр Ричард? Сколько вам лет на самом деле?

– Я молод, – сказал я.

– ...но старые книги читал, – закончил он. – Да, это я от вас уже слышал. Видать, вас заставляли читать эти старые книги очень усердно. Представляю, сколько палок изломали о вашу рыцарскую спину! Хотелось бы посмотреть, как мордуют благородных.

Я распрямился, звеня цепью на ноге.

– Умолкни, чернь непросвещенная... И зри! Если что, кричи погромче. Но так, чтобы стражи не услышали.

Он не понял, что это у меня такой юмор особенный, пробормотал:

– Меня слышите только вы, сэр Ричард... Ну, давайте, только осторожно.

Я сосредоточился, произнес кодовое слово. Сильный удар встряхнул изнутри, на миг захотелось блевануть, но удержался и сразу понял, что я уже в теле огромного мохнатого зверя.

Логирд заметался вокруг с криком:

– Спокойно!.. Спокойно!.. Держите себя человеком в этом теле!.. Не давайте зверю вырваться, потом загнать труднее!..

Я повернулся к зеркалу, оттуда на меня смотрит нечто вроде огромного вздыбленного медведя, могучего и коротконового, пасть оскалена, зубы как ножи, маленькие глазки горят нечеловеческой злобой. Я прислушался к себе, да, злость кипит там, в глубине, но пусть кипит, она обостряет рефлексы и память...

– Хорошо! – кричал Логирд. – Хорошо!.. Не спешите, только не спешите!..

Я повернулся боком к зеркалу и повернул голову, стараясь рассмотреть горбатую спину. Сосредоточился, там медленно вздыбилось, как надкрылья майского жука, только неопрятное и мохнатое, затем это неспешно превратилось в короткие мускулистые крылья.

– Не взлетайте! – прокричал Логирд. – Нет!..

Я не понял, почему не взлетать, дурак этот призрак, но остался на земле и с усилием удлинял крылья, менял форму, а потом сумел добиться, чтобы шерсть сменилась плотной чешуей. Блестящая, хорошо подогнанная, она понравилась больше, пластинчатый доспех, на брюхе из

мелких чешуек, на боках крупные и толстые, а на спине вообще наползающие друг на друга ряды костяных дощечек.

Логирд присматривался, как я бьюсь, пытаюсь сделать структуру чешуи плотнее, иногда вскрикивал удивленно, он же знает только ковку, когда металл становится прочнее, а я знаком и с другими методами усадки.

– Довольно, – вскрикнул он. – Хватит на сегодня.

Я поработал над гортанью и проревел:

– Почему?

Он охнул:

– Как вам удалось?

– Что? Чешую?

– Нет... говорить!

– Секрет фирмы, – ответил я. Логирд отодвинулся, я сказал примирительно: – Пустяки, изменил форму гортани. Ничего не придумывал, сделал просто человечью. Чего ты боишься?

– Что вы устали, – ответил он, – и зверь может взять верх.

– А он не устанет?

– Боюсь, – ответил он, – мозг устанет раньше.

Я подумал, что лучшее – враг хорошего, в следующий раз можно будет и полетать, времени на трансформацию уйдет меньше, рыкнул и велел себе вернуться в тело царя природы, ведь человек – самое совершенное.

Логирд вскрикнул довольно, когда блестящий чешуей зверь в считанные секунды превратился в человека. Я поспешно повернулся к зеркалу. Оттуда на меня с тревогой смотрит молодой парень в рубашке, темных кожаных штанах и в сапогах с золотыми шпорами.

– Ура, – сказал Логирд. – Чувствуете, что значит к трансформации добавить и магию?

– Совсем другой уровень, – согласился я.

– Конечно, – сказал он, – а еще вы удивительно быстро научились менять шкуру. Эта чешуя – просто чудо!

Я отмахнулся.

– Главное, не голый. Вроде бы мелочь, но без штанов как-то не по себе. Я ж не просто-людин и не нудист. Рыцарь без штанов теряет боеспособность и даже, что самое главное, идеологию.

– Идеологию?

– Ну да, кто мы без нее?

Он развел прозрачными руками.

– Ну... вам виднее. Я рад, что так быстро отошли от простой трансформации и теперь вот с магией. Это уже уровень, сэр Ричард!.. И так быстро. Уцелело все, что на вас надето!

– А если попробовать доспехи? – спросил я. – Металлические?

Он покачался в воздухе, исчез, возник снова.

– Возможно, ничего не получится. Но есть шанс, что трансформируются в добавочную чешую.

– В следующий раз надену стальной, – пообещал я. – Целиком. А что насчет зеркальности магии? Покажешь?

Глава 12

Еще с первого, ну со второго-третьего дня, во дворце начали появляться знатные дамы, бросали на меня многозначительные вздохи и низко кланялись, стараясь, чтобы из низкого выреза платья вот-вот начинали вываливаться их лелеемые сокровища. Таких красоток становилось больше, началось глухое соперничество, тем более яростное, что у меня все еще нет фаворитки, то есть даже не надо бороться с предыдущей за место, а достаточно всего лишь понравиться могущественному завоевателю.

Потом, когда выяснилось, что майордом королевства вообще не женат, во дворец зачистили и главы наиболее могучих семейств и кланов. У этих цели иные, Куно Крумпфельд однажды в конце доклада о сделанном за последние дни упомянул, что по любви женятся только слабые люди, непрактичные, которым уж никак не руководить страной. Короли, как и прочие властители, по любви не женятся, а всегда только исходя из государственных интересов.

– Ага, – сказал я, – я этот самый, прочий властитель?.. Знаете, Куно, у меня столько раз сгорали крылышки на этом огне... да и сам горел так, что перед вами одна головешка.

– Хорошо, – сказал он одобритительно.

– Что хорошего?

– Уже обожглись, – пояснил он, – умнее будете.

– В смысле, буду жениться, исходя из государственных интересов?

– Да, именно это имею в виду, ваша светлость.

Он сидел в кресле напротив, но не откинувшись, а собранный и очень внимательный, подчеркивая, что очень польщен приглашением сесть и отведать хорошего вина, но ни в коем случае не претендует на какие-то вольности или привилегии в покоях короля.

Чаша с вином еще наполовину полна, и Куно время от времени механическими движениями подносит ее ко рту, делает крохотнейший глоток.

– Возможно, – сказал я невесело, – скоро так и случится. Я на многое готов, о чем раньше и помыслить не мог.

– Скоро, – поинтересовался он, – это в обозримом будущем?

– Да, – ответил я, – в обозримом.

Он снова отпил самую малость, уточнять не стал, насколько это будущее обозримо, информацию нужно добывать осторожно.

– Говорят, – сказал я, – на свете есть лишь одна женщина, предназначенная тебе судьбой, и если не встретишь ее, то спасен. Но для меня была заготовлена судьбой не одна, а сразу несколько женщин...

Он поинтересовался осторожно:

– И как?

Я ответил со вздохом:

– Сама же судьба, брезгливо убедившись в моей слабости, и отняла их одну за другой.

– Значит, – заметил он почтительно, – готовится от вас потребовать очень серьезное. А женщина только бы мешала.

– Боюсь и подумать, что от меня могут возжелать.

После паузы, во время которой он любовался блеском драгоценных камней на чаше, задумчиво проговорил:

– Потому вам не нужна ни близкая женщина, ни даже жена. Супруга – да, другое дело. Да и то не сейчас. Время придет само... Я отобрал из числа своих помощников нескольких человек, сэр Ричард. Подготовьте документы с привилегиями, которыми изволите их облечь, дабы полнее выполняли вашу волю. Я их отправлю сразу же. И еще, как вы полагаете, обилие

этих трубадуров и труверов при дворе... не слишком ли? Сперва они разбежались, а теперь постепенно возвращаются. Снова шумно.

– А что, король Кейдан был любителем музыки?

Он усмехнулся.

– Сочиняли в основном о нем. А это он любил.

Я отмахнулся.

– Начнут сочинять обо мне – обвиню в подхалимаже и велю высечь за подрыв авторитета главы государства в народных и околонародных массах. А так вообще пусть... Искусство должно жить на дотации государства. Коммерциализация не всегда во благо. Пусть эти трубадуры, труверы, минзингеры... которые, как мне казалось, не мини, а почему-то минне, ваганты, барды, рапсоды, аэды, кобзари, бандуристы, акыны, лаудисты... словом, пусть цветут все цветы, но чтоб соблюдали закон о ночной тишине. Если эти творческие личности обожают пьянки с криками и песнями под чужими окнами – таких хватать и направлять на общественно полезные работы. Сроком от недели до месяца.

Он наклонил голову, пряча довольную улыбку.

– Прослежу лично. Что-нибудь еще? Хотелось бы услышать что-нибудь про... основную идею при завоевании королевства, что ли...

Я посмотрел на него остро. Советник продолжает улыбаться, но улыбочка несколько напряженная, он затаил дыхание в ожидании ответа, ага, как же, щас откроюсь!

– Основная идея, – ответил я неспешно, – всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения, не так ли?

Он вскрикнул поспешно:

– Да-да, конечно! Мы всегда должны стараться дотянуться до самой высокой ветки с яблоками! Тогда и с нижних оборвем наверняка.

– Вот-вот, – сказал я по-прежнему доброжелательно, но с едва заметным холодком, – потому у нас несколько... жестковатая политика. Во всяком случае, к таким развлечениям, как черные мессы, поголовное пьянство, терпимость к чужим культам, постепенное вхождение троллей в жизнь общества... Мир не был бы сотворен, если бы Творец думал, как бы не причинить какого-либо беспокойства! Творить жизнь и значит творить конфликты.

Он сказал поспешно:

– Сэр Ричард, я все понимаю. Невозможно править при помощи «но». Раньше старались избежать всего, что усложняет жизнь, и потому во всем искали компромиссы. Но вы доказали своим вторжением, что бескомпромиссность... гм... тоже немалая сила.

– Не просто немалая, – поправил я. – Молодость всегда бескомпромиссна. Компромиссы убивают силу!.. Ну что тебе?

Это я спросил у бравого воина, что отстранил церемониймейстера и вытянулся на пороге.

Рыцарь сказал счастливо:

– В большом зале начинается пир, сэр Ричард!.. Ждут только вас.

Я поднялся. Крумпфельд поспешно вскочил и первым сделал движение в сторону двери.

– Видишь? – сказал я с иронией. – У нас все еще военная демократия. Я – рыцарь, а это больше, чем лорд-протектор или майордом. Иду-иду!

Рыцарь поспешил обратно, радостные вести всегда носим охотно, а мы с Крумпфельдом вышли следом. Стражи тут же встали у закрывшихся дверей и скрестили копья.

Зал ярко и празднично освещен, за столами пестро и красочно одетые люди, играет музыка, между рядами столов кувыркаются акробаты. Слуги все еще торопливо вносят блюда и напитки, жизнь идет, а ведь не просто поменялась власть, мы чужаки, к тому же пришли со своей жесткой идеологией.

– Продвинутое общество, – буркнул я, – весьма, даже весьма... Патриотизм – прибежище негодяев и все такое. Неважно, кто правит, лишь бы торты были крупнее и слаще.

Куно бледно улыбнулся, не понимая, но на всякий случай поклонился.

– Я пойду, ваша светлость.

– Нет, – сказал я, – ты теперь в нашей элите. Вон там, если не ошибаюсь, стол с местными... Иди, пируй.

Меня приветствовали веселыми воплями, я с поднятыми над головой руками прошел между рядов, время от времени сцеплял ладони в замок и потрясал ими. Что это означает на языке жестов, не знаю, но выглядит красиво и убедительно.

Мое кресло с высокой спинкой, что уже трон, на нем сидел, как понимаю, сам Кейдан, не зря же на нем золотой герб, а на спинке янтарный орел в натуральную величину с рубинами вместо глаз.

С удивлением я увидел входящего в зал отца Дитриха. На этот раз великий инквизитор переделался в новое и чистое, подрезал волосы и выглядит даже моложе.

Перехватив мой взгляд, улыбнулся, помахал рукой. Я поднялся и торопливо шагнул навстречу.

– Благословите, святой отец... Отец Дитрих, я так рад вас видеть! Где вы пропадаете?

– Как и вы, сэра Ричард, – ответил он, – как и вы... Люди этого города, как и всей страны, подумать только, служат Мамоне! Но те, кто пытается служить Богу и Мамоне, вскоре обнаруживают, что Бога нет.

– Вы им напомнить сумеете, – заверил я пылко. – Нет более опасного оружия против черта, чем чернила и книгопечатание. Когда-нибудь окончательно сживут его со света! Я слышал, что вы спешно начали строить типографию?

– Да, сын мой.

– Великое дело, – сказал я. – Вы прямо двужильный, святой отец!

– У меня много помощников, – ответил он с улыбкой. – Ты как, держишься?

Я спросил непонимающе:

– В каком смысле?

– Власть, – сказал он, – такое же искушение для лорда, как вино и женщины для молодого человека, взятка – для судьи, деньги – для старика и тщеславие – для красавицы.

Я покачал головой.

– Наоборот, я власти боюсь и всячески от нее уваливаю.

– Потому ее можно доверить тебе, – сказал он неожиданно, похлопал меня по руке и ушел.

Я вернулся в свое кресло с тронной спинкой. Вообще говоря, питаю ненависть и отвращение к животному, называемому человеком, но сердечно люблю Растера, Макса, Теодориха, Зигфрида, Асмера и еще многих достойных и красивых в поступках людей, а вот отец Дитрих, напротив, гневно клеймит всех за слабости, но страстно любит человечество и готов за него отдать жизнь.

Странно, отец Дитрих ни словом не обмолвился о необычности моей победы над темным богом. До сих пор даже не спросил, как я себя чувствую. В смысле, нет ли теперь у меня каких-то темных мыслей. Впрочем, глупо такое спрашивать. Наверное, будет присматриваться ко мне, а то и другим велит анализировать мои слова и дела.

– За нашу и вашу победу! – пронесся над залом мощный рык. Сэр Растер поднялся во всей красе, на этот раз сделал себе поблажку и не явился в полных доспехах, но кирасу оставил, небрежно выставив голубую сталь в раскрытые полы камзола. – Ожидали ли мы победу? Да, ожидали!.. Мы верим сэру Ричарду!.. Но думал ли кто, что будет такой быстрой и сокрушительной?.. Честно скажу, даже я до сих пор в диком изумлении!

К нему тянулись с наполненными кубками. Из-за дальних столов просто поднимали чаши с вином повыше и весело орали, в зал заглядывали трепещущие слуги.

Я улыбался и кланялся, улыбался и кланялся, отечески помовал руками и снова улыбался.

Пир был в разгаре, я уже подумывал, как бы смыться, надо над картой мира помыслить над великими геополярными проблемами, это версия для народа, а на самом деле ощутить тревожную сладость превращения в крылатого зверя, попробовать то, попробовать это, проверить себя в свободном полете, могу ли нести груз, каков высотный потолок...

Ко мне то и дело тянутся с кубками в руках, я окинул взглядом зал, от назойливого внимания избавиться трудно, но удастся перепихнуть на другого, и я встал, пошел вдоль рядов, похлопывая по плечам сидящих и улыбаясь во весь рот.

У самого дальнего стола я остановился. Рыцари затихли, когда я вскинул кубок.

– Вот сэра Максимилиан, – сказал я громко. – В бою старается быть впереди, на пирах садится от меня подальше. И вообще за столом не слышу его клича.

Барон Альбрехт повторил многозначительно:

– За столом.

Растер обхватил засмущавшегося сэра Макса за плечи и заорал весело:

– За настоящую доблесть, что не требует награды!

– Ура сэру Максимилиану! – заорал Бернгард громовым голосом.

– Слава Максимилиану! – закричали другие голоса.

– Пьем за сэра Максимилиана!

– За вас, сэра Максимилиан!..

Довольный нехитрой хитростью, я пошел к своему креслу, теперь нужно умело увильнуть самому, в это время в распахнутые двери вошел граф Ришар. В легком доспехе, даже без шлема, но кираса и стальные нарукавники блестят холодно, напоминая, что мы в завоеванной стране. За ним на почтительном расстоянии четверо рыцарей, не самых знатных, как помню, он может себе позволить брать в свиту не по длине родословной, а по деловым качествам, красивый и суровый.

Я помахал ему рукой, хотя, конечно, он меня видит и идет ко мне, но в нашем обществе нужны ясные знаки, которые прочитывают и другие.

– Сэр Ричард! – сказал он бодро и очень весело. – Важное сообщение!

– Говорите, граф, – откликнулся я.

Он быстро зыркнул по сторонам.

– Сэр Ричард... – продолжил он все так же бодро, но с многозначительностью в голосе, – такое лучше... наедине.

Я поморщился, но кивнул.

– Ладно. Идите за мной.

Я поднялся с трона и уже сделал шаг, держа взглядом дверь, откуда через два зала попадем в мой кабинет, но граф остался на месте, глядя на меня со странным выражением. Я остановился, посмотрел на Ришара, а за спиной раздался могучий рев сэра Растера:

– Как можно, сэра Ричард?

Рыцари поднимались из-за столов и поспешно покидали зал. Ришар так и не сдвинулся с места, для него естественно, что в таких случаях не сюзерен должен уходить, а все прочие обязаны беспрекословно очистить помещение.

Ушли и его рыцари, я смотрел вслед этой пышной толпе с неловкостью, лучше бы я сам вышел, но граф упрется, правила этикета, то да се, а этикет складывается не сам по себе. Без строгого соблюдения всех этих телодвижений развалится очень многое, вплоть до управления страной.

Когда ушли последние, граф внимательно посмотрел, как плотно закрылись двери, поминал меня на середине зала. Я шел за ним с нарастающим чувством больших неприятностей.

– Уверены, – спросил он шепотом, – что за дверью не подслушивают?

– Вы же видели, какие тут двери, – сказал я. – Убивать меня будете, никто моих диких воплей не услышит.

Он поморщился.

– Даже не шутите так.

– А что, – спросил я упавшим голосом, – так серьезно?

– Да, – ответил он голосом, из которого начисто испарились бодрость и подчеркнутая уверенность. – Да, сэр Ричард.

– Что случилось?

Он потер ладонью лоб. Лицо стало расстроенным, а в глазах проступили злость и тревога.

– Устал, – сказал он извиняющимся голосом, – как мелкий бес... Сэр Ричард, ко мне обратилась группа весьма знатных лордов королевства. Предлагают, вам трудно даже подумать такое, ни много ни мало, как наместничество над захваченной нами частью королевства!

Я кивнул, сердце стиснуло как тисками. Начинается то, чего вообще еще не видели в чистом мире северных королевств. Здесь, где дыхание Юга ощутимо, это уже присутствует.

– И что вы ответили?

Он пожал плечами.

– Что и нужно было. Обещал подумать. Но сделал вид, что клюнул.

– Спасибо, граф, – сказал я. Заметив его негодующий взгляд, поспешно пояснил: – Не за то, что рассказали, это естественно, а что не швырнули им предложение обратно. Тем более не вбили в глотку вместе с зубами.

Он усмехнулся.

– Был бы помоложе, как сэр Максимилиан, или попроще, как сэр Растер, так бы и сделал. Но я вижу, что и вы местами такой же старый жук, как и я. А нам лучше конкретнее узнать, кто и что здесь замышляет.

– Тогда торгуйтесь, – предложил я. – Надо выторговывать как можно больше. Пусть не заподозрят, что их могут поймать в их же ловушку.

Он поморщился.

– И так не заподозрят. Никогда такого подлого народа не видел! Почему-то уверены, что я должен ухватиться за возможность предать вас только ради высокого поста и власти.

– Увы, граф, – сказал я трезво, – здесь такие на каждом шагу.

Он спросил удивленно и встревожено:

– Вы это серьезно?

– Абсолютно, – заверил я. – Христы, как кометы – являются редко, а вот Иуды не переводятся, как комары.

Он сжал кулаки, под смуглой кожей вздулись желваки.

– Мразь.

– Это королевство, – объяснил я, – в самом деле надо было спасать. Что мы и делаем.

Он сказал с досадой и разочарованием в голосе:

– А мне казалось, призываете нести свет этим людям слишком уж... громко. Сейчас даже не знаю, что и думать.

– Все в порядке, – успокоил я. – Просто в данном случае совпали высшие духовные интересы и некоторые хозяйственные. Так бывает крайне редко. Надо выжать все преимущества на полную катушку. Отец Дитрих сокрушается упадком нравов, но, думаю, втайне рад такому полю деятельности. Целое королевство можно вернуть в лоно церкви! Только и понадобится, что в каждом городе устроить несколько публичных сожжений еретиков, колесования ведьм и колдунов, а также несколько показательных утоплений.

Он в задумчивости кивнул.

– Да, здешний народ жизнями дорожит, вы правы. Если начать жечь отступников от милосердной церкви... да побольше, побольше!.. здесь быстро запоют церковные хоралы взамен непристойных песен.

– Все верно, граф, – согласился я. – Ради такой мелочи, как жизнь, эти люди готовы отказываться от своих убеждений! Тьфу. Потому их не жалко ни жечь, ни топить, ни колесовать. И даже потом, когда будут ходить в церковь чаще, чем мы... все равно у меня не будет к ним доверия.

– У меня тоже, – сказал он. – Потому не хотел бы я быть у такого подлого народа даже королем, не то что наместником. Хорошо, сэр Ричард, я вас предупредил. Это к тому, что они могут продублировать предложение.

Я развел руками.

– Они бы и рады, но... кроме вас нет здесь рыцаря, за кем бы пошли войска.

Он покачал головой, лицо стало угрюмым.

– Другим могут предлагать иные варианты. Посильные. Например, за щедрые дары увести часть войска или встать на сторону короля Кейдана... Я впервые встречаюсь с таким подлым способом ведения войны! Словом, будьте настороже, сэр Ричард. Имейте в виду, могут быть еще попытки. В смысле, будьте готовы. А я пока осторожненько продолжу торг. Нужно выявить, кого еще в наших рядах они пробуют... пошатнуть.

Я кивнул и крикнул громко:

– Пир продолжается!.. Эй, зовите всех в зал!

Глава 13

Из-за стола я ускользнул под благовидным предлогом, хотя при моем ранге уже можно не оправдываться, так даже лучше, таинственнее. В покоях я брякнулся на ложе, не снимая сапог, и долго тупо глядел в шелковую крышу.

В черепе стучало обреченно: ну вот, пришло... Сколько ты здесь дорог прошел, сколько побед одержал, сколько раз самого сбивали с коня и топтали копытами, сколько раз терпел поражения, но всегда это было либо в честном бою, либо из засады, что тоже сравнительно честно, ведь засаду делают прямые враги, а не те, кому доверяешь...

И вот начинается то привычное, в чем я хоть и раньше не участвовал, но вырос в том мире: интриги, предательства, подковерная борьба, черный пиар, слухи, клевета, подозрения...

Королевство Сен-Мари – уже не та обезьянья стая, которую как ни разгони, тут же восстановится на другом месте. Сложнейший механизм, где за века притерлись все шестеренки, хотя даже теперь то в одном, то в другом месте либо бунты, либо попытки отделиться, либо одна область нападает на другую. Сейчас вообще может начаться кровавая баня, как только сообразят, что оккупантам их внутренние распри по фигу, а реальной власти нет.

Мы еще когда захватывали города, в каждом городе я тут же собирал старейшин гильдий, хвалил их и называл солью земли, объяснял, что это они и есть те слоны, на которых держится земля, от них зависит благополучие не только их города, но и окрестных земель. Рассказывал, что я – бургграф Тараскона, а вы знаете, как хорошо сейчас развивается мой город и как там богато живет горожанам... это потому что я вот такой замечательный, мудрый и понимающий их работу.

Пока меня слушали раскрыв рты, я присматривался к ним, и хотя в старейшины дураку не попасть, и там замечал самых авторитетных и умеющих руководить. Когда я рассказывал о перспективах торговли через Тоннель с северными странами и возможности получать дешевое сырье, строить на северных землях рудники, мастерские, у них у первых загорались глаза, а ладони начинали тереться одна о другую с такой силой, что вот-вот вспыхнет огонь.

После подтверждения и расширения полномочий городского совета я незамедлительно отправлялся к местному лорду. Одевался со всей пышностью, меня сопровождал отряд знатнейших рыцарей, хотя туда я для внушительности зачислял и Вернигору с Ульманом, объясняя ревнующим знатым рыцарям, что эти великаны только для эффекта.

Передо мной несли знамена, а при входе в замок герольд громко выкрикивал мои титулы, такие огромные и пугающие, что у меня самого мороз бежал по шкуре, временами я даже начинал всматриваться в лица: верят ли, что это все я?

А закончилось тем, что я хоть и всячески избегаю садиться на королевский трон в главном зале, это нелегитимно, однако все же начинаю все больше вести себя согласно жестким правилам, не установленным, а отобранным веками в процессе эволюции рыцарства.

Но неужели опущусь до разборок со своими сподвижниками? Неужели обязательно при дележе пирога должны возникнуть ссоры, недовольства и обиды?

Куно Крумпфельд являлся с ежедневным докладом, но все подает в предельно сжатом виде. Если что заинтересует, мол, готов развернуть подробнее, а так вообще не дело майордома заниматься этими мелочами.

- Справку по брошенным землям составил? – напомнил я.
- Почти, – сказал он. – Осталось совсем по мелочи.
- Но все крупное в описи?
- Да.
- И дворцы в столице?

– Дворцы учесть было легче всего, – объяснил он. – И загородные дома записаны все до единого. С землями труднее, приходится проверять, в самом ли деле брошены, или же хозяин там отсиживается, нос не показывает.

– У таких не отбирать, – распорядился я. – Они присягу принесут позже. Не спешим. Теперь давай список сбежавших... Королевский дворец я уже экспроприировал в свою пользу, теперь посмотрим, посмотрим...

Сэр Растер, великий энтузиаст по части празднеств, собрал перед дворцом множество свободных рыцарей, выстроил красиво, чему те послушались весьма охотно, вся красота – от Господа, а безобразие – от его противника, прошелся вдоль ряда, выстроил еще и трубачей, наказав строго трубить по его взмаху.

Я подозвал оруженосца.

– Сэр Максимилиан сейчас в оружейной. Быстро приведи!

Макс примчался, как всегда быстрый и послушный, а сэр Растер, довольный, как стадо слонов, собственноручно обрезал его вымпел, тем самым превращая в полноценное знамя.

– Вот, – проревел он весело и трубно, словно мамонт в брачную пору, – отныне наш всеобщий любимец сэр Макс становится баннеретом!

– Преклони колено, – велел я строго.

Макс послушался моментально, бездумно, глядя на меня снизу вверх чисто и преданно. Я медленно вытащил меч из ножен, рыцари улыбались и довольно переглядывались.

Я ударил плашмя его по правому плечу, затем по левому.

– Доблестный сэр Максимилиан фон Брандесгерт!.. Ты выказал как отвагу, верность и доблесть, что есть основа рыцарства в человеке, так и на редкость умелое руководство вверенными тебе войсками. Слушайте все! Во время Каталаунского турнира, когда мы побеждали и многие спешили захватить богатую добычу в виде сбитых с коней рыцарей, сэр Максимилиан берег мою спину, понимая, что если падет вожак – проиграем все!.. И здесь он так же честно и самоотверженно взял на себя то, чего высокомерно избегают другие рыцари: руководство кнехтами! Все мы знаем, как это важно, чтобы те выдерживали удар конного войска, а затем довершали разгром... Словом, за большие и несомненные заслуги я, майордом Сен-Мари, жалую тебя, сэр Максимилиан, титулом виконта и даю в пользование земли виконства Эльбеф...

Рыцари весело зашумели, прогремел поверх голосов могучий рев сэра Растера, что виконство Эльбеф крупнее и богаче иного графства.

Макс смотрел на меня счастливыми глазами. Я сказал ласково:

– Встаньте, сэр Максимилиан! Отныне у вас собственное знамя.

Его окружили рыцари, поздравляли, хлопали по плечам и спине. Макс заговорил прерывающимся голосом:

– Сэр Ричард! Я не знаю, как благодарить...

Я вскинул руку, прерывая поток слов, и Макс мгновенно умолк. Остальные, довольно переговариваясь, повернули ко мне головы.

– А никак, – ответил я хладнокровно. – Ты уж давно достоин баронства. Но понимаю, почему я медлил... Я все еще боюсь, вдруг тебя потянет в хозяйствование? Ты такой, начнешь и там все улучшать и модернизировать... Потому прими совет: возьми умелого управляющего. Королевский советник Куно Крумпфельд подберет тебе самого толкового и вообще самого лучшего!.. А ты оставайся с нами. И еще не закончится эта кампания, как станешь бароном.

Он охнул, щеки покрылись нежным румянцем. Рыцари взревели громче, Макса совсем затискали, задавили, захлопали по спине и плечам.

– Сэр Ричард! – вскричал он. – Вы ко мне слишком добры!

– Ничуть, – отпарировал я. – Ты очень хорош, Макс. Возьми отпуск на недельку. Съезди в свои... теперь они твои!.. земли, покажись, используй право первой брачной ночи, а то все гарпии да гарпии, а потом возвращайся!

Геннегау, город роскошнейших дворцов, парков, гостиниц, домов для увеселения, казалось, ничего не производит, а только потребляет, но именно здесь живут лучшие ювелиры, суконщики, краснодеревщики, даже искуснейшие оружейники, что могут отковать немислимой красоты оружие или не пробиваемые ничем доспехи. Правда, такие доспехи стоят дороже, как если бы сделали целиком из золота, в закалке принимают участие и могучие маги, а подобные услуги обходятся дорого.

Впрочем, у наших лордов есть чем платить. Я видел, как вслед за военачальниками обзаводятся усиленными доспехами и простые рыцари, а старые мечи у них сменяются именными, сделанными по особой технологии.

Проверив еще раз список Крумпфельда, я с чувством полнейшей справедливости раздал роскошные дворцы и загородные дома сбежавших своим лордам. Кроме армландских и барбантских владык получили свое и те из сенмарийских рыцарей, которые примкнули к моему войску, а самый крупный среди них надел земли получил сэра Арчибальд Вьеннуанский.

Он ахнул, не поверив, глаза расширились, как у девочки, которой подарили лучшую из кукол.

– Сэр Ричард!

– Бери-бери, – сказал я ворчливо, – я же видел, как тебе хочется освободиться от родительской опеки.

Он сказал смущенно:

– Да тут другое...

– А что?

– Мне хотелось доказать, – пояснил он, – что и я бываю хоть иногда прав!

– Ну вот уже и доказал, – сказал я. – Пусть твой отец теперь локти кусает. А твои друзья увидят тоже... Думаю, война вообще-то закончилась. Можешь принимать свои владения и наводить там порядок. Покажись всем, объясни, что хозяин отныне ты, проверь, чтобы, пользуясь отсутствием власти, не расплодились разбойники. Словом, действуй!

– Все сделаю, – пообещал он преданно. – Я докажу им!.. Докажу!

– Докажи, – согласился я. – И отцу... и той, что тебе отказала.

Он вздрогнул, беспомощно покраснел.

– А вы откуда знаете?

– Майордом должен многое видеть, – ответил я туманно. – Главное, видеть сердца своих людей.

Он поцеловал мне руку и унесся как на крыльях. Я посмотрел вслед, мелькнула мысль, что постепенно втягиваюсь в рутину политических и хозяйственных дел. А как же мои собственные крылья? Свой потенциал не развиваю, нехорошо. Мы ведь все сперва себе, потом – Отечеству. Правда, я среди таких, что сперва – Отечеству или что там пока вместо него, а потом себе, вот и балансирую на двух медленно разъезжающихся балках над пропастью.

Несмотря на страстное желание выбраться за город и поэкспериментировать с полетами, чтобы никто не видел, я не мог выкроить ни минуты свободной. Даже ночью приходилось решать какие-то экстренные проблемы, а под утро, когда все уходило, я сам чувствовал себя слишком измотанным и мог только упасть рывком в подушку для короткого сна.

Горе тому государственному деятелю, который не позаботится найти такое основание для войны, которое и после нее сохранит свое значение. Мне, как считал даже я сам, крупно не повезло, что варвары опередили и первыми обрушились на королевство. Но, к счастью,

вовремя хватило подлой хитрости, именуемой дипломатической смекалкой и государственной мудростью, натиск этих дикарей повернуть нам на пользу.

Но теперь, когда варвары ушли, надо искать другое объяснение оккупации. Я снова и снова разъяснял преимущества нашего пребывания: не варвары, а цивилизованные люди, культурные даже, защищаем надежно, покровительствуем расцвету ремесел и торговли, в наших руках Тоннель, которым не просто разрешаем, а даже призываем пользоваться. Плюс беспрошленная на первое время торговля с северными землями, да это же счастье! По ту сторону Хребта такие простые и простодушные, что их даже обманывать неловко...

Моя пропаганда и управленческие таланты Крумпфельда привели к тому, что первый торговый караван сформировался уже через неделю, после того как мы заняли столицу. Глава совета торговых гильдий попросил выделить им охрану хотя бы до Тоннеля, я признал разумность и отправил крупный воинский отряд, велел отвести до Хребта и немедленно вернуться.

Логирд так ничего и не нашел, к тому же даже если бы отыскал где-то вдали нужный том с подходящими заклятиями насчет зеркальности ударной магии, не смог бы его открыть, как он и сообщил невесело. Поздней ночью, заверив стражей, что хоть сегодня отосплюсь, чтоб никто не тревожил, я в личине исчезника выскользнул наружу через окно, со стены перебрался на соседний балкон, а оттуда уже спустился в темноту и помчался из города, который никогда не спит.

Логирд заранее отыскал укромное место не слишком далеко от города, пологий овраг, а на краях высокие деревья. Я захватил, как он и велел, из его лаборатории длинную веревку, чем-то пропитанную или заклятую. Логирд уверен, что такая удержит у причала любой большой корабль, я сомневался, по мне чем толще, тем лучше, но помалкивал и в указанном месте на дне оврага один конец надежно закрепил вокруг высунувшейся наружу скалы, а другой туго завязал на ноге.

– Лучше вообще петель, – посоветовал Логирд.

– Зачем? Петля может ослабеть.

– Нога сузится, – предупредил он. – Мне показалось, ваша пернатая нога... нога пернатого попросту выскользнет, как намыленная.

– У меня не пернатая, – огрызнулся я.

– А какая?

– Вроде бы чешуйчатая.

– Точно?

– Не уверен... – сказал я с невольной дрожью. – Знать бы да соломку подстелить... Ладно, не мельтеши. Буду нирванить.

Он затих, я тоже закрыл глаза и постарался поскорее войти в то сладостно-гадкое состояние, когда чувствуешь себя освобожденным животным, раскованным скотом, даже не скотом, а сладострастным насекомым, что не знает запретов и ограничений. Мощь магии идет через раскрытие в себе древнейших инстинктов, мощь святости – от подавления их в зародыше, от чистоты устремлений духа... Потому между ними война не на жизнь, а на смерть, и не быть в одном мире церкви и магии.

Мысли совсем ушли в другую сторону, я приоткрыл глаз и увидел замершего Логирда, тот не шевелится, хотя и так совершенно бесшумен, старается не отвлекать, странный человек, зависший между двумя мирами.

На каждую дрянь, стукнуло в черепе, найдется защитник. Даже много защитников. И чем больше проходит времени, тем защитников больше. Колумб уже во время второго путешествия обнаружил пиршество людоедов на острове Гваделупа в Малом Антильском архипелаге. Но это были цветочки: конкистадоры в Мексике не поверили глазам, наткнувшись на культ смерти государства ацтеков. Массовые человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм и вампиризм были главной частью религии. Индейцы не просто истребляли мирных белых

переселенцев на Дикий Запад. Они зверски пытали захваченных, вспарывали детям животы и набивали камнями, заставляли связанных родителей смотреть на их мучения и смерть, они сладострастно наслаждались зверскими пытками. После увиденных кровавых ритуалов Кортес посчитал своим нравственным долгом уничтожить эту цивилизацию. Но прошли десятилетия, и вот уже гребаные и, как обычно, малограмотные правозащитники перевернули все с ног на голову и объявили конкистадоров грабителями и убийцами, «разрушивших великие, даже величайшие и высокоразвитые, высококультурные индейские государства ацтеков, майя и инков». И все громче заговорили о «древнем мудром народе, зверски истребленном колонизаторами», о «высокой культуре» истребленных...

Мать, мать, мать, эти же тупые защитники говорят и о «высочайшей культуре ацтеков», даже не зная, что ацтеки устраивали массовые жертвоприношения даже не пленных, а своего же населения: укладывали на алтари и взрезали животы тысячам и тысячам людей за один праздник!.. И все это празднично, весело, народ ликовал и жадно пил льющуюся сверху по ступеням пирамид горячую кровь жертв.

Я бы этих правозащитников «древних и высоких» культур самих положил на алтари ацтеков. Пусть бы там говорили о высокой культуре обсидиановых ножей, которыми будут вспарывать им грудные клетки! И попросил бы Кортеса не спешить уничтожать эту «древнюю высочайшую культуру», пока она не сожрет всех правозащитников старины.

Кортес, ужаснувшись, как правоверный христианин, всеми зверствами, что творились в империях ацтеков, инков и майя, уничтожил их, с того времени имена ацтеков и прочих остались только в истории.

Это ли не пример, как надо поступать с троллями, гоблинами, кентаврами?

Сквозь горячечные мысли прорвался осторожный голос:

– Сэр Ричард, что с вами?

Я приоткрыл один глаз, призрачная тень, почти невидимая, колыхнется передо мной.

– А что со мной?

– Я вижу, – сказал он едва слышно, – вы очень далеко в мыслях. И мысли ваши... совсем не способствуют.

– Ты прав, – сказал я с неохотой. – Знаю, что надо, однако что-то противится. Нравственное начало, что ли?

Он поинтересовался:

– А что это?

Я отмахнулся.

– Ладно, проехали... Я бы объяснил, честно, если бы сам понимал. А то только чувствую, что даже у такого урода, как я, оно где-то есть.

Он посмотрел на небо.

– Может быть, перенесем на завтра? Скоро рассвет.

– Неужели, – ужаснулся я, – столько просидел, как пень?

– Честно говоря, – сказал он дипломатично, – несколько больше, чем я ожидал.

Глава 14

С утра я принимал присягу местных лордов, что не ушли с Кейданом, потом утвердил смету на перестройку крепостной стены. Логирд пару раз появлялся, но мне головы поднять некогда, он моментально исчезал. Я успел дважды подумать, что с леди Бабеттой что-то неправильно получается: вроде бы арестовал, но обвинения не предъявил, пыткам не подверг, сам ее постельные данные не проверил, пора отпустить, что ли... И вообще выслать из мест, где стоят мои войска. Во избежание. Я не так стоек, как стараюсь казаться. Святого Антония из меня не получится.

Когда кабинет на минутку опустел, я сказал Логирду быстро:

– Сегодня должно получиться. Выходим, как только стемнеет. Во дворце совру, что болит голова или критические дни. Скажу, чтоб не беспокоили.

– Не побеспокоят, – ответил он. – Вы уже сумели себя поставить.

– Как?

– Не знаю, – ответил он. – Но все чувствуют настоящего сатрапа.

– Ого, – сказал я, – какие слова знаешь. Грамотный гад.

– Есть такое дело, – согласился он мирно. – Буду ждать. Надеюсь, нашу веревку никто не украл.

Он исчез, словно погас свет, я услышал стук в дверь. Появился не дворецкий, а церемониймейстер, что означает иной уровень посетителя. Стоя в открытой дверях боком, он провозгласил громогласно:

– Граф Ришар де Бюэй!

Я кивнул.

– Проси.

Он чуть сдвинул голову, мимо него прошел граф Ришар, коротко усмехнулся мне.

– Прошу прощения, сэръ Ричард! Я сам отвык от таких церемоний. Вы не очень заняты?

– Для вас, граф, – ответил я любезно, – свободен всегда. Какие новости? Садитесь, рассказывайте.

Слуги тут же поставили на стол кувшины с охлажденной сладкой водой, разведенным медом и вином из королевского подвала. Граф безучастно посмотрел на золотые кубки великолепной работы, отодвинул их на край и расстелил карту.

– Смотрите, вот так Сен-Мари выглядит сейчас. Здесь вот мы, я выделил эти территории цветом. Эта часть – анклав Ундерленды, это вот Брабант, а в эту сторону земли, которые захватили варвары. Как видите, там нет линии. Мы не знаем, где они заканчиваются.

– Не дальше, – заметил я, – чем до Хребта. Он опускается прямо в океан.

– Да, верно, – согласился он. – Но какова там береговая линия... Ладно, это не важно. В остальном только две области вне контроля. Ундерленды и крепость Аманье, куда отступил с армией герцог Вирланд Зальский. Какие идеи?

– Пока не знаю, – ответил я честно. – Давайте чуточку выждем. Ундерленды чем-то похожи на Брабант, только там вместо крепостной стены пропасти и провалы. Но оттуда выйти, в отличие от Брабанта, так же трудно, как и войти...

– Верно.

– А вот с крепостью Аманье, – сказал я, – проще. Нужно послать туда армию и попробовать договориться с Вирландом. Хотя тоже не слишком опасен, но... чужая крепость в нашем тылу раздражает.

Он откинулся на спинку кресла, глаза блеснули молодым огнем.

– Предлагаете штурм?

– Пока нет...

– Осаду?

– Сперва подойдем большим войском, – предложил я. – Вирланд уже давно не мальчишка, детскости в нем нет... Возможно, предпочтет сдаться. Конечно, при условии надежных гарантий.

Он поинтересовался медленно:

– Я слышал, он неплохой полководец.

Я позволил себе снисходительную улыбку.

– Чем-то он мне симпатичен, однако ради справедливости надо сказать, что он вообще единственный полководец. Войн здесь вообще не было, потому все так легко легли под нас. А Вирланд когда-то воевал даже с варварами. Правда, про громкие победы я не слышал.

Он кивнул удовлетворенно.

– Нам не помешает хоть одна громкая победа и над сенмарийцами. Грозные варвары, честно говоря, разочаровали. А потом – да, можно повесить меч на стену.

– Ага, – сказал я, – лучшая гарантия мира: закопать топор войны вместе с противником. Конечной целью войны служит мир, как работы – досуг. Нам в самом деле нужно состояние войны еще на некоторое время.

Он вскинул брови.

– Почему?

– Во время войны, – объяснил я, – законы молчат.

– А-а-а, – протянул он, – ну да, мир создается войной. За время войны нужно успеть прополоть это поле. А кое-где и перепахать.

– А потом, – сказал я, – займемся этой, как ее... политикой. Говорят, так же увлекательна, как война. Но более опасна. На войне могут убить только раз, зато в политике...

– Значит, я собираю войско?

– Делайте это неспешно, – предостерег я. – Отправляйте к Аманье малыми отрядами. Пусть располагаются, строят лагерь, демонстрируют серьезность наших намерений. И ждут прибытия основных войск.

– Я выведу с первыми, – пообещал он. – Заодно сразу осмотрю окрестности.

Закон Дарвина о выживаемости работает все так же, мелькнула мысль. Мамонтов и саблезубых перебили, но теперь все в войне со всеми, а люди страшнее мамонтов. Воюем мечами, политикой, слухами, сплетнями, деньгами, законами, пошлинами... а еще каждый воюет сам с собой, чего троглодиты не знали.

Жуткий лес, все деревья прямые и высокие, как сосны, у которых ветки только на верхушках. Я наталкивался на их гладкие, словно стеклянные стволы, под ногами трещит, будто бегу по высохшим человеческим костям.

Холмы и вершины деревьев покрылись серебром среди темной ночи. Логирд молча спустился в овраг и застыл над большим камнем, белеющим в лунном свете, как панцирь старой черепахи.

Я вытащил из-под него веревку, руки тряслись от нетерпения, кое-как привязал свободный конец к ноге. Логирд помалкивал, но я чувствовал, как он тщательно сканирует мое лицо, мои движения, расшифровывает мимику.

– Теперь молчи, – предупредил я на всякий случай.

– Я вообще ни слова.

– Вот и не говори.

Я сел поудобнее, прислонившись к осыпающейся стене из глины, закрыл глаза и начал вспоминать все оргии, какие мог припомнить, но что-то не густо, добавил кое-что из фантазий, стараясь сделать их погрязнее, соединяя с образом вампириши, с ее покрытым мехом телом...

Покалывание и жжение начались с пальца, быстро перекинулись на руку. Я стискивал веки до тех пор, пока не услышал восторженно-испуганный голос:

– Получилось!.. даже лучше... Сэр Ричард, будьте осторожны!

В ночной тьме мое тепловое зрение почему-то отказало, я с трудом видел свои рукокрылья, жуткие в своей отвратительности, мохнатое тело и короткие жилистые ноги с огромными хватательными пальцами, где алмазно блестят когти.

Морду свою не вижу, но красавец еще тот, понимаю. Логирд оказывался то сзади, то спереди, то рассматривал меня с боков.

– Можете попробовать взлететь, – сказал Логирд тихонько. – Но, умоляю, осторожно!

Я взмахнул крыльями, меня рвануло вперед, я упал лицом вниз. Со второй попытки еще и проволочся мордой по земле. Догадался подпрыгнуть, замахал крыльями чаще, меня потащило вверх, еще и еще, я стремился уйти от опасной земли, как вдруг за ногу дернуло с такой силой, что едва не вывернуло из сустава.

Я заорал от дикой боли, пошел штопором вниз, у самой земли выровнялся и снова взлетел, но теперь в бешеной злобе вгрызся зубами в веревку. Она скрипела на зубах, трещала, но перегрызть не удавалось.

В кровавом тумане, что заполняет мозг, прозвучали слова, что простую веревку я оборву одним пальцем, а эта удержит любого дракона.

В злобе я закричал диким голосом, за ногу снова дернуло, я в ярости замахал крыльями беспорядочно и с силой врезался головой в землю. Раздался треск, потом звон, глаза залило красным, я на некоторое время ослеп.

Кто-то толкал и дергал меня за ухо, я услышал голос:

– Сэр Ричард, поскорее вернитесь!.. Сейчас сюда прибегут!.. быстрее... ох, быстрее...

Я не понимал, что нужно и зачем, но в голове такая боль, что всплыла слабая мысль, а зачем мне это надо, вот получил же по рогам, мало не кажется...

...и почти сразу ощутил, что лежу в неудобной позе на колючей земле. В щеку больно впились сухие стебли травы.

Голос надо мной прокричал:

– Хорошо! Встать сможете?..

– А помочь влом? – пробурчал я.

Короткий озноб, после чего тело налилось силой, я поднялся, со стороны города в самом деле слышны конский топот, крики. Призрачная тень метнулась вдоль оврага в сторону густых кустов, высунулась, я поднялся и побежал следом.

Мы вломились как двое лосей. В смысле, Логирд проскакивал как тень, а я топал и ломал ветки, как дикий зверь. Так бежали некоторое время, Логирд остановился.

– Хорошо, – сказал он с облегчением. – Не увидели...

Я спросил рассерженно:

– А чего мы убегали?

Он поинтересовался:

– Что? Не помните, как орали?.. Весь город слышал!.. Ваши стражники просто молодцы, сразу выслали отряд. Я видел, как сэр Норберт распоряжался... Кстати, он во главе!

– Молодец, – пробормотал я. – Дам пряник. Оперативно действует. Ты прав, лучше им меня не видеть в моем... парадном виде. Убьют сперва, потом начнут спрашивать, что это. А может, и не начнут, поважнее дел хватает.

– Вам нужно контролировать себя, – сказал он озабоченно. – Пока что верх берет зверь.

– Я уже почти загнал его обратно, – сообщил я.

– Я видел...

В голосе некроманта звучал сарказм, я сказал сердито:

– Вот увидишь, в другой раз веревка не понадобится.

Я прервал себя на полуслове, на краю оврага словно засияло живое серебро. Появились облитые лунным светом всадники. Сэр Норберт, в блестящей чешуе, как огромная рыба, привстал, руку приложил ко лбу козырьком, словно во тьме ночи ему бьет в глаза яркий свет звезд.

– Никого нет, – сказал он.

– Спряталось? – предположил кто-то.

– Если так, – решил сэр Норберт, – то пусть прячется. Которые прячутся, не опасны.

Разведчик справа от него пробормотал:

– Вообще-то крик был такой, будто кричал целый корабль!..

– Убежал, – донесся голос из тесной группы.

– Или улетел, – уточнил другой. – Следов особых нет.

– А вон там кусты сломаны...

Сэр Норберт отмахнулся.

– Там кабан или олень пробежал, а мы ищем что-то огромное и опасное. Мирер прав, чудовище скорее всего улетело. Все, отбой. Возвращаемся!

Он первым повернул коня, мы услышали drobный стук копыт, за ним исчезли и другие всадники.

Леди Бабетта, стучало в черепе. Нужно сейчас переговорить с нею и... что-то решить. Но не держать ее в покоях королевы. Глупо, да и что подумают? Скорее, то, что нужно Бабетте, мне совсем не очень. Все-таки она меня переигрывает, зараза с голыми плечами.

Я тихонько пробрался во дворец, двое из старших слуг вроде бы заметили мое возвращение, хоть я в личине исчезника, но что делать, это отводит глаза не всем. Однако оба сделали вид, что ничего не замечают. Может быть, я по бабам ходил. Брякни кому, что видели, как майордом пробирается ночью в собственный дворец, можно потерять не только работу.

В коридоре стражи мерно прохаживаются вдоль стен, все в легких доспехах, что не стесняют движений, в руках короткие копыя с острыми, как бритвы, лезвиями.

Я снова вспомнил о Бабетте, как вдруг в коридор выбежал запыхавшийся воин, ударился с разбегу о стену напротив, побежал, на ходу вытаскивая меч.

Двое впереди меня сразу выставили перед собой копыя. Воин узнал меня издали, бросил меч в ножны. На лице странно менялись отчаяние и облегчение.

– Ваша светлость!.. наконец-то!..

– Что случилось? – потребовал я.

Он по-бабьи заломил руки, чуть не падая на колени.

– Ваша пленница...

– Что с нею? Говори быстрее!

Он вскрикнул в страхе:

– Она исчезла!

Воины переглянулись, я ощутил, как в глазах потемнело.

– Как это случилось?

Он прокричал:

– Просто вышла через запертую дверь!.. Там засов, вот смотрите!.. Открывать можно только отсюда, так было сделано по приказу его милости барона Альбрехта... Никто и пальцем не прикоснулся!.. А она вышла, просто вышла! Мы обомлели, я первым схватился за оружие, а она и говорит: надо бы вас в лягушек, но не хочу огорчать милого сэра Ричарда, к которому пылаю неподдельной страстью... Потом улыбнулась еще и пошла по коридору. Мой напарник побежал вниз предупредить, она прошла мимо лестницы и... не поверите, прямо в стену!..

– Что? Ударилась?

– Нет, прошла сквозь камень...

– И не выпала с той стороны? – спросил старший воин с недоверием. – А ну дыхни еще разок!.. Гм, странно, почти трезвый.

– Она не выпала, – вскричал воин отчаянно, – а вылетела!

– В смысле, упала?

– Нет, – сказал страж и перекрестился истово. – Взмахнула руками, те превратились в крылья. И она полетела. Не так хорошо, как птица, но все равно полетела, полетела, а тут луна зашла за тучку, я дальше не видел!

Я постоял, играя желваками и стискивая кулаки, чтобы видели, как я разгневан, но на самом деле чувствовал пустоту и горечь, перемешанную со стыдом и страхом.

Выходит, Бабетта просто забавлялась. Могла покинуть заключение в любой момент. Возможно, ночью и покидала, а потом возвращалась. А когда выполнила то, что собиралась, удалилась очень эффектно, щелкнув на прощание по носу, чтоб не считал себя слишком умным или слишком сильным.

Глава 15

Логирд в нетерпении рыскал по комнате, слушая мой рассказ, исчезал в полу, что мне мешало, хотя знаю, слышит и там, наконец выпрыгнул, как светящаяся медуза, сделал круг по комнате и завис передо мной.

– Вообще-то, – сказал он, – заклинание трансформации не такое уж и редкое. Хотя, конечно, не все, не все...

– Так она волшебница?

Он покачал головой.

– Владение одним заклинанием еще не делает человека волшебником.

– Но она может знать и другие?

– Может. Хотя вряд ли. Скорее, одноразовые амулеты.

– Что тогда делает волшебником?

Он посмотрел внимательно.

– А вы не знаете? Занятие этим делом постоянно, неотрывно. Когда все мысли, чувства и все-все брошено на раскрытие тайн... В народе считают, колдуны и волшебники это те, кто пользуются своей властью... дураки! Это всего лишь...

– Побочный продукт? – подсказал я.

Он кивнул, ухитрившись не смазать ни единую черточку лица.

– Да-да, примерно так. У нас одна страсть – рыть глубже! Нам не интересно применять, нам страстно хочется узнать, что же там дальше. По старым книгам известно, Древние обладали просто неслыханной мощью, а кому не хочется догнать их? Ваша пленница просто обучена одному заклинанию, от силы двум-трем. Вряд ли больше. Это дается непросто, а люди не хотят тратить годы и годы на обучение, им хочется всего и сразу.

– Да, – сказал я, – похоже. Значит, превращаться в летающее могу не только я...

Он посмотрел на мое огорченное лицо, его широкий рот стал еще шире.

– Задело? – спросил с сочувствием. – Сэр Ричард, человек не птица. Ни один не может летать так же хорошо. Но даже если может спрыгнуть с башни или со скалы и, растопырив руки-крылья, не разбиться – разве это не счастье?..

– Но леди Бабетта, по словам стражей, в самом деле улетела.

– Недалеко, – заверил он. – Она должна была опуститься прямо за дворцом. Если бы за нею побежали сразу или внизу проследили за полетом, схватили бы.

– Караван ушел, – сказал я без всякой досады.

Он взглянул внимательно.

– Похоже, вы не очень огорчены.

– Я не знал, что с нею делать, – признался я. – Ладно, я тоже буду летать хреново?

– Это мне и хочется узнать, – признался он. – Вы не просто выучили заклинание. Вы обладаете всей мощью Терроса! Это совсем другой уровень. Во всяком случае, у вас есть шанс, есть...

Я пробурчал:

– Похоже, я туповат. А твои умения во мне еще не пробудились. Может быть, начать с чего-то проще? Что ты умел легче всего?

Он подумал, сказал:

– Хорошо. Попробуем.

...Я делал все, как он говорил подробно и обстоятельно, как идиоту, но уже четвертое существо из мира Древних возникало, как некая бесформенная масса, шевелилось и явно жило. Но то ли я забывал ему сделать легкие, либо сердце, а может быть ноздри, чтобы дышать,

но вскоре начинало судорожно дергаться, припадало к земле и растекалось отвратительной жидкой лужей.

К счастью, существо из другого мира не оставляет следов, испаряется, как пролитый на песок спирт, бесследно и беззападно.

– Не быть мне некромантом, – сказал я. – Слишком умный, наверно.

– Да, – сказал он разочарованно, – вы – рыцарь. Все решаете огнем и мечом.

– Я такой, – согласился я. – Люблю простые решения. Гениальность в простоте, слышал? Это я такой гениальный, хотя самому себе нравлюсь местами.

Сэр Норберт прибыл лично, что меня сразу насторожило. Собравшийся, малоразговорчивый, он принял предложение сесть, сразу же сказал:

– Сэр Ричард, поступили сведения, что Вирланд Зальский старательно собирает большое войско. Отряды местных лордов стягиваются к его крепости Аманье. Сам он лично объезжает земли вассалов, требует, понуждает, сулит льготы... Словом, он не желает сидеть тихо, как вы предполагали.

Я нахмурился, развел руками.

– Наверное, я допустил глупость. Вы так думаете?

Он ушел от прямого ответа, сказал уклончиво:

– Стоило самым быстрым образом захватывать города и крепости. Пока в королевстве не опомнились.

– Вот-вот, – сказал я горько. – Зря я задержался в Геннегау, дурак. Решил, что если захвачена столица, то захвачено все. Пример Наполеона ничему не научил... Хорошо, сэр Норберт! Сейчас соберем военный совет. Думаю, эту угрозу нужно ликвидировать... если еще не поздно. Вы останетесь?

Он поднялся.

– С вашего позволения, вернусь к своим. У меня двенадцать групп отслеживают передвижения вассальных Вирланду лордов. Да и за самим упрямым герцогом присматривают издали.

– Мы скоро вас догоним, – пообещал я.

Через трое суток, за которые я не знал ни часа покоя, из широко распахнутых ворот города выплеснулся настоящий праздничный карнавал. Широкой рекой потекло настоящее море цветов и красок: рыцари красиво восседают на украшенных красными, оранжевыми, голубыми и вообще всех цветов радуги пополах конях, на стальных налобниках пышные султаны, покрашенные в яркие цвета. Сами рыцари в блистающих доспехах, с плеч ниспадают белые плащи с огромными красными крестами, а на сверкающих как солнце шлемах плюмажи строго такого же цвета, как и на конях, только крупнее и пышнее.

Вперед умчались разведчики и дозорные с наказом к части войск сниматься с лагеря и выступать по направлению к крепости Аманье.

Солнце поднималось навстречу, в сухом воздухе резко проступали изрезанные пещерами старые полуразрушенные горы. Когда-то в них селились и жили столетиями первые попавшие в эти земли люди. Самые нижние пещеры наполовину засыпаны сухим мелким песком, дальше катакомбы становятся глубже и крупнее, но люди ни при чем, горы к старости становятся дуплистыми, как и старые деревья, а пещеры поражают воображение размерами и нечеловеческой красотой.

Я выехал вперед к головному отряду сэра Норберта и уже придумывал предлог, чтобы смыться вправо, влево или вперед, но только не тащиться с ужасно медленным войском, когда увидел, как из расположенного неподалеку села спешно выбегают люди. Некоторые успели нагрузить на телеги домашний скарб, другие везут на двухколесных тележках, но большинство просто поспешно уходит от домов и сараев, захватив котомки и заплечные мешки.

Разведчики остановили и подвели ко мне двух крестьян, все имущество которых помещалось за плечами.

– Что случилось? – потребовал я. – От кого спасаетесь?

Один из крестьян вскрикнул:

– Чудовище!.. Огненный Зверь!..

Я приподнялся на стременах. Рыцари останавливались и, хватаясь за рукояти мечей и топоров, обеспокоенно оглядывались по сторонам.

– Где? – спросил я.

– Уже близко!

– Уже скоро, – сказал второй.

Норберт поглядывал на меня с ожиданием, разведчики сгрудились, готовые к любому повороту событий. Я стиснул челюсти, я лорд, теперь мне решать, столкнуть на кого-то не получится.

– Вы спрашиваете, – произнес я, – что будем делать? Как будто у нас есть выбор!

Норберт скупо улыбнулся.

– Вообще-то есть.

– Но не у рыцарей, – ответил я со вздохом, хотя нужно бы сказать красиво и гордо. – Тем более паладинов.

Норберт сказал со странным выражением:

– Кодекс рыцаря... Все не могу понять, что заставляет меня ему следовать? Вроде бы одни неприятности. Уже волос седой, а ума не нажил...

В нашу сторону, завидев, что остановились, мчались на полном скаку военачальники, даже граф Ришар оставил головную колонну. Люди Норберта подробно расспрашивали крестьян, там собралась уже целая толпа. На вооруженных людей в доспехах смотрели с надеждой.

Подъехал Асмер, за ним Бернارد, Асмер с ходу спросил задиристо:

– Что в кодексе рыцаря сказано о чудовищах?

Я отмахнулся.

– Насчет чудовищ – понятно что. Другое важно... Кодекс рыцаря такая опасная штука, даже человека не рыцарственного заставляет рыцарить и даже рыцарствовать.

Асмер вскинул брови в наигранном изумлении.

– Так это же замечательно?

– Только не для государя, – ответил я со вздохом.

Зайчик посмотрел с удивлением, когда я повернул его к группе крестьян.

– Что за чудовище? – спросил я властно. – Вес, размеры, порода?.. Взбесившееся травоядное... ну там бык какой-нибудь огромный, или же предатор?.. Какие особенности насчет скорости, интеллекта?

На меня смотрели с непониманием и обидой, вопросы какие-то дурацкие, будто умный. Рыцарь бы просто сел на коня и помчался навстречу монстру, предатор он или не предатор, выставив перед собой копьё размером с бревно или размахивая пудовым мечом.

Я сказал своим, что слушают тоже с недоумением, почти извиняясь:

– Как майордом, я стараюсь лучше узнать диспозицию. От этого зависит, да. И весьма, временами.

Бернارد прогудел, поглаживая рукоять исполинского топора:

– Сэр Ричард... нам тоже будет позволено поучаствовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.